

ФИДЕЛЬ КАСТРО РУС

**История
меня оправдает**

ФИДЕЛЬ КАСТРО РУС

ИСТОРИЯ МЕНЯ ОПРАВДАЕТ

Издательство Хосе Марти
Издания на иностранных языках
Гавана, Куба

Ответственный редактор: Нюрка Эскаланте
Оформление художника: Марии Елены Хиль

© Издательство Хосе Марти, 1984

Издательство Хосе Марти
Издания на иностранных языках
4208, Гавана 4, Куба

Господа судьи!

Никогда еще ни одному адвокату не приходилось исполнять свои обязанности в столь тяжелых условиях; никогда еще по отношению к обвиняемому не было совершено столько жестокого произвола. В данном случае адвокат и обвиняемый — одно и то же лицо. Как адвокат, я не имел возможности даже ознакомиться с обвинительным заключением; как обвиняемый, я вот уже 76 дней нахожусь в одиночной камере, в строжайшей изоляции, вопреки всем предписаниям человеческой морали и законов.

Тот, кто сейчас выступает, всей душой ненавидит наивное тщеславие, его духу и темпераменту чужды поза трибуна и погоня за сенсациями. И если я вынужден был взять на себя свою собственную защиту перед этим судом, то это объясняется двумя причинами: первая из них — та, что меня практически лишили всякой возможности прибегнуть к другой защите; вторая состоит в следующем: только тот, кому нанесли такую глубокую рану, только тот, кто видел свою родину беззащитной, а справедливость настолько попранной, может в данном случае найти нужные слова, идущие из самого сердца и являющиеся самой правдой.

Благородных друзей, которые хотели бы взять на себя мою защиту, было немало. Коллегия адвокатов Гаваны постановила, что мои интересы будет представлять в этом деле компетентный и смелый адвокат, доктор Хорхе Паглиери, декан коллегии адвокатов этого города. Однако ему помешали выполнить свою миссию. Каждый раз, когда он пытался увидеть меня, двери тюрьмы оказывались для него закрытыми. Только через полтора месяца, и то благодаря вмешательству суда, ему позволили в течение десяти минут поговорить со мной в присутствии сержанта службы военной разведки. Известно, что адвокат имеет право беседовать со своим подзащитным наедине. Это право уважают в любом месте нашей планеты, если только речь идет не о кубинском военнопленном, очутившемся во власти жестокого деспотизма, не признающего ни общечеловеческих норм, ни законов. Ни доктор Паглиери, ни я не пожелали терпеть подобное грязное подслушивание наших планов защиты. Может быть, они хотели заранее узнать, какими средствами будет опровергнута вся груда невероятной лжи, которую они сфабриковали вокруг событий в казарме Монкада, и показана ужасающая правда об этих событиях, которую они хотели бы скрыть любой ценой. Именно тогда и было решено, что я вос-

пользуюсь тем, что я сам адвокат, и возьму на себя собственную защиту.

Это решение, подслушанное и переданное в соответствующей инстанции сержантом СИМ, вызвало переполох. словно некий весельчак-домовой забавлялся, сообщая им, что по моей вине все их планы рухнут. И вы хорошо знаете, господа судьи, какое давление было оказано, чтобы лишить меня этого права на защиту, имеющего на Кубе давние традиции. Суд не мог согласиться с подобными требованиями, потому что это уже означало лишение обвиняемого всякой защиты. Обвиняемый, который осуществляет сейчас свое право на защиту, ни по каким соображениям не обойдет молчанием то, что он должен сказать. И я полагаю, что прежде всего следует объяснить, почему меня подвергли жестокой изоляции, почему хотели заставить меня молчать, почему, как вам известно, вынашивались планы моего убийства, какие очень важные факты хотят скрыть от народа, в чем тайна всех странных вещей, происходящих в этом процессе. Именно это я хочу раскрыть с полной ясностью.

Вы сами публично квалифицировали этот процесс как самый важный в истории республики. И если вы искренне так считаете, вы не должны были бы позволить запятнать ваш авторитет всеми этими издевательствами.

Первое заседание суда состоялось 21 сентября. Более ста человек заняли скамью подсудимых, оказавшись под дулами пулеметов и винтовок сотни солдат, которые с примкнутыми штыками совершенно бесстыдно заполнили зал, где должно было вершиться правосудие. Значительное большинство обвиняемых не имело никакого отношения к данному делу. Они в течение многих дней находились в предварительном заключении, подвергались всевозможным издевательствам и оскорблениям в застенках, принадлежащих репрессивным органам. Остальные обвиняемые — их было меньшинство — держались мужественно, готовые с гордостью подтвердить свое участие в борьбе за свободу и с невиданной самоотверженностью сделать все, чтобы снять тюремные оковы с той группы людей, которых с бесчестными целями привлекли к этому процессу. Те, кто уже дрался на поле боя друг против друга, встретились вновь. И снова мы защищали правое дело. Должна была начаться трудная борьба правды против подлости. И наверняка существующий режим не ожидал моральной катастрофы, которая ожидала его!

Как поддержать все свои фальшивые обвинения? Как добиться, чтобы не стало известно то, что в действительности произошло, когда так много молодых людей были готовы на любой риск: тюрьму, пытки и смерть — если это станет нужно, — чтобы разоблачить эти фальшивые обвинения перед судом?

На первом заседании мне предложили дать показания, и я подвергся двухчасовому допросу, отвечая на вопросы госпо-

дина прокурора и двадцати адвокатов защиты. Я доказал при помощи точных цифр и неопровержимых фактов количество затраченных на подготовку восстания денег и рассказал, как мы их собрали и какое оружие сумели достать. Мне нечего было скрывать, ибо все было сделано ценой беспрецедентных в истории нашей республики жертв. Я рассказал также о целях, которые вдохновляли нас в борьбе, о нашем неизменно гуманном и благородном отношении к своим врагам.

И если я сумел выполнить долг, доказав, что все обвиняемые, которых необоснованно привлекли к этому делу, ни прямо, ни косвенно не участвовали в восстании, то этим я обязан полному единодушию и поддержке со стороны моих героических товарищей. Я тогда сказал, что они не устыдятся и не расскажут ни в чем, если им, как революционерам и патриотам, придется столкнуться с последствиями. Мне не было дозволено до этого встречаться и говорить с ними в тюрьме, и, однако, мы собирались поступить совершенно одинаково. Ибо когда люди вдохновлены одними и теми же идеалами, их ничто не может разъединить: ни стены тюрьмы, ни могила; их вдохновляет одно и то же воспоминание, один и тот же дух, одна и та же идея, одно и то же сознание и человеческое достоинство.

С этого самого момента и стало, как картонный домик, разваливаться здание гнусной лжи, воздвигнутое правительством, по поводу действительных событий. В результате этого господин прокурор, понявший, насколько нелепо было держать в заключении всех обвиненных в том, что они были вдохновителями восстания, немедленно потребовал их временного освобождения.

После дачи показаний во время первого заседания я попросил разрешения у суда покинуть скамью подсудимых и занять место среди адвокатов-защитников. Это мне действительно было разрешено. Я приступил к выполнению миссии, которую считал наиболее важной в этом процессе: окончательно разоблачить трусливую, бесстыдную, вероломную и коварную клевету, которую использовали против наших борцов; неопровержимо доказать, какие страшные и отвратительные преступления были совершены в отношении пленных; показать перед лицом всей нации, перед лицом всего мира ужасающее несчастье этого народа, страдающего от самого жестокого и бесчеловечного гнета за всю историю.

Второе заседание суда состоялось во вторник, 22 сентября. Хотя к этому времени были допрошены всего десять человек, из их показаний стала ясна картина убийств, совершенных в районе Мансанильо, за которые, и это тоже было доказано и занесено в протокол, непосредственная ответственность падала на капитана, командовавшего там военным постом. А предстояло еще допросить триста человек. Что же получилось бы, если бы я, располагая таким количеством собранных фактов и доказательств, приступил к допросу перед судом самих военных,

ответственных за эти события? Разве могло правительство разрешить мне сделать это перед многочисленной публикой, присутствовавшей на судебных заседаниях, в присутствии корреспондентов газет, адвокатов всего острова и лидеров оппозиционных партий, которых правительство имело глупость посадить на скамью подсудимых, чтобы они могли хорошо слышать все, о чем шла речь? Правительство предпочло бы взорвать здание суда со всеми находящимися в нем судьями, чем допустить это!

Тогда-то у них и возник замысел *mapu militari* не дать мне возможности участвовать в судебном разбирательстве. В пятницу, 25 сентября, поздно вечером, то есть накануне третьего заседания суда, в моей камере появились два тюремных врача. Они были явно смущены. «Мы пришли обследовать тебя», — сказали они мне. «Кто это так беспокоится о моем здоровье?» — спросил я. На самом же деле, стоило мне только их увидеть, как сразу стала ясна цель их визита. Врачи оказались людьми благородными, они сразу же сказали всю правду. Оказывается, в тот же вечер в тюрьме побывал полковник Чавиано, который заявил, что я своими выступлениями «в суде наносу огромный ущерб правительству», что они должны подписать документ о том, что я якобы болен и, следовательно, не могу присутствовать на заседаниях суда. Врачи сказали также, что они готовы отказаться от своей должности и даже подвергнуться преследованиям, что они предоставляют мне решать и вручают свою судьбу в мои руки. Мне было тяжело просить этих людей, чтобы они пожертвовали собой, но в то же время я никоим образом не мог согласиться, чтобы осуществились подобные замыслы. Я предоставил им решать по велению их совести и сказал только: «Вы должны знать, в чем заключается ваш долг, свой я хорошо знаю».

После ухода из камеры врачи подписали документ. Я знаю, что они сделали это, движимые добрыми побуждениями, считая, что это была единственная возможность спасти мне жизнь, которая находилась под большой угрозой. Я не давал обещания хранить в тайне этот разговор; для меня важна только правда, и если, сообщив правду, я тем самым причинил ущерб этим двум хорошим специалистам, я тем не менее поставил их честность вне всякого сомнения, а это гораздо более ценно. В тот же вечер я написал письмо в суд, в котором разоблачил план, подготовленный властями, и потребовал вызова двух судебных врачей, которые удостоверили бы, что я вполне здоров. В этом письме я заявил, что если для спасения моей жизни я должен согласиться на подобную уловку, то я предпочту тысячу раз расстаться с нею. Чтобы не было никакого сомнения в моей готовности бороться даже в одиночку против этой подлости, я в своем письме привел слова Учителя: «Справедливое дело, даже запрятанное в глубинах пещеры, сильнее армии». Это письмо,

как известно суду, было представлено доктором Мельбой Эрнандес на третьем заседании суда 26 сентября. Мне удалось передать ей письмо, несмотря на жестокую охрану, которой я подвергался. В связи с этим письмом, разумеется, были осуществлены репрессии: доктора Эрнандес изолировали, а меня, ибо я и так уже был изолирован, поместили в самый отдаленный угол тюрьмы. Начиная с этого момента, все обвиняемые, перед тем как направиться в суд, подвергались самому тщательному обыску.

Судебные врачи пришли ко мне 27 сентября и удостоверили, что у меня прекрасное здоровье. Однако, несмотря на неоднократные требования суда, меня не приводили ни на одно заседание суда. К этому надо добавить, что все эти дни неизвестные лица распространяли сотни фальшивых листовок, в которых содержались призывы похитить меня из тюрьмы, — глупое алиби для того, чтобы физически уничтожить меня «при попытке к бегству». После того как эти планы провалились благодаря их своевременному разоблачению со стороны бдительных друзей, а фальшивое медицинское свидетельство стало достоянием гласности, у них не оставалось иного способа воспрепятствовать моему присутствию на суде, кроме открытого и наглого неисполнения распоряжения суда.

Это был неслыханный случай, господа судьи: режим боялся присутствия обвиняемого на суде; террористический и кровавый режим спасовал перед моральной силой беззащитного, безоружного, изолированного и оклеветанного человека. Так, после того как меня лишили всего, меня еще к тому же лишили возможности присутствовать на суде, где я был главным обвиняемым. Следует отметить, что все это совершалось в обстановке временной отмены конституционных гарантий и когда действовали в полную силу закон об общественном порядке и цензура над прессой и радио. Какие же ужасные преступления должен был совершить этот режим, если он боялся голоса одного обвиняемого!

Я должен подчеркнуть грубое, полное неуважения отношение и к вам, господа судьи, со стороны военных властей в ходе процесса. Сколько раз данный состав суда отдавал распоряжения о прекращении бесчеловечной изоляции, которой я подвергался, сколько раз суд требовал уважения моих самых элементарных прав, сколько раз он требовал, чтобы мне позволили присутствовать на судебных заседаниях, — ничего этого выполнено не было. Каждый раз они отказывались выполнять все ваши распоряжения. Более того, в присутствии самого суда во время первого и второго заседаний рядом со мной была поставлена преторианская стража, чтобы помешать мне с кем-либо разговаривать даже во время перерывов, давая тем самым понять, что не только в тюрьме, но и на суде — в вашем присутствии — они не обращают ни малейшего внимания на ваши распоряжения. Я хотел поставить этот вопрос на следующем

заседании как вопрос об элементарном уважении к суду, но... мне не позволили больше присутствовать на нем. И если после того, как к вам проявлено такое неуважение, нас привели сюда, чтобы вы отправили нас в тюрьму во имя «законности», которую они, и только они, нарушают с 10 марта,— более чем печальна роль, которую вам хотят навязать. В данном случае ни разу не случилось того, о чем говорит латинское изречение: *Cedant arma togae*. Я прошу, чтобы вы особо приняли во внимание это обстоятельство.

Но все эти меры оказались совершенно бесполезными, так как мои храбрые товарищи с невиданной гражданской доблестью четко выполнили свой долг.

«Да, мы пошли сражаться за свободу Кубы и не сожалеем, что сделали это». Так заявили они один за другим, отвечая на вопрос прокурора. И тотчас же с удивительным мужеством, обращаясь к суду, они разоблачали ужасные преступления, которые были совершены по отношению к нашим павшим братьям. Хотя я не присутствовал на суде, тем не менее мог следить за процессом из моей камеры и знал обо всех деталях благодаря помощи заключенных тюрьмы Бониато. Несмотря на все угрозы строгого наказания они изобрели остроумные способы, чтобы передавать мне вырезки из газет и всевозможную другую информацию. Тем самым они мстили за злоупотребления и издевательства со стороны директора тюрьмы Табоада и смотрителя, лейтенанта Росабалы, которые заставляют их работать от зари до зари на строительстве особняков для частных лиц, морят их голодом, расхищая средства, предназначенные на содержание заключенных.

По мере того как продолжался процесс, роли менялись: те, кто должен был обвинять, стали обвиняемыми, а обвиняемые превратились в обвинителей. Теперь шел суд не над революционерами — на нем навсегда был осужден господин, которого зовут Батиста... *Monstrum horrendum!* Неважно, что храбрые и достойные молодые люди были осуждены,— ведь завтра народ осудит диктатора и его жестоких наемников. Их сослали на остров Пинос, в застенках которого еще бродит призрак Кастельса и слышатся предсмертные стоны стольких убитых. Там, в тяжком заключении они расплачиваются за свою любовь к свободе, оказавшись оторванными от общества, от своих семей и изгнанниками со своей родины. Не кажется ли вам, что в таких условиях мне, как адвокату, очень трудно выполнять свою миссию?

В результате стольких грязных и незаконных махинаций по прихоти тех, кто диктует свою волю у нас в стране, и из-за слабости тех, кто судит, вы видите меня здесь, в этой комнатке гражданского госпиталя, куда меня привели, чтобы судить без шума, чтобы моего голоса не было слышно, чтобы мой голос не звучал и чтобы никто не узнал о том, что я скажу здесь.

Зачем же и кому нужен величественный Дворец правосудия, где господа судьи, несомненно, чувствовали бы себя более удобно? Не к лицу вам вершить правосудие в этой комнатухе госпиталя, окруженного часовыми с прикинутыми штыками, ибо народ может подумать, что само наше правосудие оказалось не в добром здравии... и находится в заточении.

Я напоминаю вам, что согласно вашим процессуальным законам суд должен вестись «в устной форме и публично». Однако народу категорически воспрепятствовали присутствовать на заседании. Разрешено присутствовать только двум адвокатам и шести журналистам — в газетах, которые они представляют, цензура не позволит напечатать ни одного слова об этом процессе. Единственная публика, которую я вижу в зале и проходах, — это около ста солдат и офицеров. Спасибо за любезное и серьезное внимание, которое они мне оказывают! Если бы здесь передо мною оказалась вся армия! Я знаю, что рано или поздно она будет гореть желанием смыть ужасное пятно стыда и крови, которым запачкан военный мундир из-за властолюбия кучки бездушных людей. И плохо же тогда придется тем людям в блестящих мундирах, которые еще живут в свое удовольствие... если народ не сбросит их гораздо раньше!

И наконец, я должен сказать, что мне в моей камере не дали возможности пользоваться ни одним кодексом уголовного права. Я располагаю только вот этим небольшим кодексом, который только что дал мне адвокат, храбрый защитник моих товарищей, доктор Баудильо Кастельянос. Мне не позволили также получить книги Марти; видимо, тюремная цензура сочла их слишком подрывными. Или, может быть, мне не дали их потому, что я сказал ранее, что Марти был идейным вдохновителем 26 июля? Более того, мне было запрещено принести с собой на заседание суда какую-либо книгу по любой другой отрасли знания. Но это не имеет никакого значения! В своем сердце я несу мысли Учителя, в своем сознании несу я благородные идеи всех людей, которые защищали свободу народов.

Я прошу трибунал только об одном и надеюсь, что он удовлетворит мою просьбу в качестве компенсации за все эксцессы в нарушении законности, которые мне пришлось пережить, не получив никакой защиты со стороны закона: пусть же уважается мое право высказывать все с полной свободой. Без этого не может быть соблюдена хотя бы видимость правосудия, и это было бы последним звеном — и самым тяжелым — в цепи бесчестия и трусости.

Должен признаться, кое-что меня разочаровало. Я думал, что господин прокурор выступит с ужасным обвинением, готовый полностью обосновать намерение и причины, по которым во имя справедливости и права — но какого права и какой справедливости? — меня должны приговорить к 26 годам заключения. Но нет. Прокурор ограничился только чтением 148-й статьи

Кодекса социальной защиты, согласно которой ввидуотягчающих вину обстоятельств он требует для меня 26 лет тюремного заключения. Мне кажется, что две минуты — слишком малое время, чтобы требовать и обосновать необходимость лишить свободы человека более чем на четверть века. Может быть, господин прокурор недоволен этим судом? Потому что, как я замечаю, его лаконизм не идет ни в какое сравнение с той торжественностью, даже некоторой долей гордости, с которой господа судьи заявили, что данный процесс имеет огромное значение. А я знаю случаи, когда прокуроры при рассмотрении простого дела о торговле наркотиками говорят в десять раз больше, требуя приговорить гражданина к шести месяцам заключения. Господин же прокурор не произнес ни одного слова, чтобы обосновать требуемый им приговор. Я не хочу быть несправедливым... я понимаю, что трудно прокурору, который поклялся быть верным конституции республики, требовать здесь от неконституционного, самозванного, не имеющего никакого законного и тем более морального права на существование правительства, чтобы молодой кубинец, такой же, как и он, юрист, пожалуй... такой же достойный, как и он, человек, был брошен на 26 лет в тюрьму. Но господин прокурор — человек не без таланта, а я видел людей менее способных, чем он, но исписавших для обоснования такого требования кипы бумаги. Как можно поверить, что у него не хватает аргументов для обоснования подобного приговора — ну хотя бы для пятнадцатиминутного выступления,— как бы это отвратительно ни было для любого честного человека? Нет сомнения, что в основе всего этого — большой заговор.

Господа судьи! Откуда такая заинтересованность в том, чтобы я молчал? Почему не высказывают никаких доводов, дабы не дать никаких оснований, против которых я мог бы выдвинуть свои аргументы? Может быть, нет никаких юридических, моральных и политических оснований для серьезной постановки вопроса? Неужели так боятся правды? Или же они хотят, чтобы я тоже говорил здесь всего две минуты и не затронул тех вопросов, которые кое-кому не дают спать с 26 июля? Ограничив обвинительное заключение всего лишь простым чтением пяти строк из статьи Кодекса социальной защиты... может быть, предполагалось... что я ограничусь тем же и буду вертеться лишь вокруг этих строк, подобно рабу вокруг мельничного жернова? Я никоим образом не примирюсь с этим кляпом, потому что на этом суде обсуждается нечто большее, чем просто свобода одного человека: спор идет по принципиальным, основным вопросам. Судится право людей быть свободными. Спор идет о самих основах нашего существования как цивилизованной и демократической страны. После окончания своей речи я не хочу упрекать самого себя в том, что я не защитил хоть один принцип, не высказал хоть одну истину, не разоблачил все преступления.

Знаменитая статейка, зачитанная господином прокурором, не заслуживает и минутного ответа. Я ограничусь пока лишь короткой юридической схваткой с прокурором, ибо хочу расчистить от мелочей поле боя для того момента, когда наступит час для решающей битвы против всякой лжи, фальши, лицемерия, условности и безграничной моральной трусости, на которых основывается вся та грубая комедия, которая с 10 марта — и даже еще ранее чем с 10 марта — называется правосудием на Кубе.

Элементарный принцип уголовного права требует, чтобы вменяемое в вину действие точно соответствовало виду преступления, наказуемого законом. Если же нет закона в точности применимого к спорному вопросу, нет и преступления.

Статья, о которой идет речь, гласит: «Подлежит лишению свободы на срок от 3 до 10 лет тот, кто пытается осуществить заговор, чтобы поднять вооруженное восстание против конституционных властей государства. Подлежит лишению свободы на срок от 5 до 20 лет, если такое восстание было осуществлено».

В какой стране живет господин прокурор? Кто ему сказал, что мы организовали восстание против конституционных властей государства? Два момента бросаются в глаза. Во-первых, диктатура, которая угнетает страну, не является конституционной властью, наоборот, это антиконституционная власть; она установлена вопреки конституции, помимо конституции и в нарушение законной конституции республики. Законной конституцией является та конституция, которая непосредственно исходит от суверенного народа. Эту истину я докажу далее полностью вопреки всей лжи, нагроможденной трусами и предателями, дабы оправдать то, что не имеет оправдания. Во-вторых, в статье говорится о властях во множественном числе, а не в единственном, ибо имеется в виду такая республика, где существуют законодательная власть, исполнительная власть и судебная власть, взаимодополняющие и уравновешивающие друг друга. Мы подняли восстание против одной только власти, незаконной власти, которая узурпировала и объединила законодательную и исполнительную власть в стране, уничтожив ту систему, которую была призвана защищать та статья кодекса, которую мы сейчас рассматриваем. Что же касается независимости судебной власти после 10 марта, то я об этом не хочу и говорить, потому что мне не до шуток... Как бы вы ни старались приспособить к данному случаю кодекс, даже ни одна запятая статьи 148 не может быть применима к событиям 26 июля. Оставим эту статью в покое до того времени, когда ее можно будет использовать в отношении тех, кто действительно поднял в свое время восстание против конституционных властей государства. Позже я вернусь к кодексу, чтобы освежить в памяти господина прокурора некоторые обстоятельства, которые, к сожалению, им забыты.

Предупреждаю вас, что я только начал говорить. Если в ваших сердцах осталась хоть крупинка любви к родине, любви к человечеству, к справедливости, выслушайте меня со вниманием. Я знаю, что меня заставят молчать в течение многих лет; я знаю, что всеми возможными способами будут пытаться скрыть правду; я знаю, что против меня будет организован заговор забвения. Но мой голос не смолкнет из-за этого; он набирает в моей груди тем большую силу, чем более одиноким я себя чувствую, и я хочу, чтобы он был полон того пыла, в котором ему отказывают трусливые души.

Я слушал диктатора по радио в понедельник, 27 июля, в хижине в горах, когда нас оставалось восемнадцать человек с оружием в руках. Тот, кто не пережил подобных минут, не поймет, что такое подлинная горечь и негодование. В то время как были развеяны наши надежды на освобождение нашего народа, которые мы так долго лелеяли, нам приходилось слушать, как бахвалился деспот, ставший еще более подлым и высокомерным, чем когда-либо прежде. Поток лжи и клеветы, который он изверг в присущей ему грубой, всем ненавистной, отвратительной манере говорить, можно сопоставить лишь с огромным потоком чистой и молодой крови, которую проливали с предыдущей ночи с его согласия, при его соучастии и одобрении наиболее бездушная банда убийц, каких трудно себе представить. Если бы хоть на минуту принять на веру то, о чем он говорил, этого оказалось бы вполне достаточно, чтобы честный человек всю жизнь чувствовал раскаяние и стыд от такой ошибки. В те минуты у меня не было и надежды поставить печать правды на жалкий лоб диктатора, дабы он носил ее до конца дней своих и всех времен, ибо вокруг нас сужалось кольцо из более чем тысячи человек, вооруженных более дальнобойным и мощным оружием и выполнявших приказ возвратиться лишь с нашими трупами. Сейчас, когда правда становится известной и когда я заканчиваю этой речью выполнение миссии, которую я возложил на себя и выполнил до конца, я могу умереть спокойным и счастливым, поэтому я не пожалею сил, чтобы заклеить позором взбесившихся убийц.

Необходимо кратко остановиться на фактах. Правительство заявило, что нападение было проведено так организованно и точно, что это свидетельствует об участии военных специалистов в разработке плана. Более абсурдного утверждения нельзя и придумать! План был разработан группой юношей, из которых никто не имел военного опыта. И я могу назвать их имена, за исключением двух, которых нет ни среди пленных, ни среди убитых: Абель Сантамария, Хосе Луис Тасенде, Ренато Гитарт Росель, Педро Мирет, Хесус Тонтане и тот, кто сейчас перед вами выступает. Половина из них погибла; отдавая должную дань уважения их памяти, я заявляю, что они не были военными специалистами; однако они были достаточно хорошими патриотами.

тами для того, чтобы при равных условиях разбить наголову всех генералов, участвовавших в событиях 10 марта, ибо те не являются ни военными, ни патриотами. Гораздо труднее было организовать, подготовить, подобрать людей и оружие в условиях террористического режима, который затрачивает миллионы песо на шпионаж, подкуп и доносы. Но упоминаемые мною юноши вместе со многими другими людьми осуществили эти задачи с невероятной серьезностью, осмотрительностью и верностью делу. И тем более всегда достойна похвалы готовность пожертвовать всем, даже жизнью во имя идеала.

Сосредоточение людей, которые прибыли в эту провинцию из самых отдаленных селений острова, было осуществлено на завершающем этапе с исключительной точностью и в обстановке абсолютной тайны. Верно также, что нападение было блестяще скоординировано. Оно началось одновременно в 5 час. 15 мин. утра как в Баямо, так и в Сантьяго-де-Куба. И с предусмотренной заранее точностью до минут и секунд захватывались одно за другим здания, окружавшие казармы. Однако во имя полной истины, хотя от этого и померкнут наши заслуги, я впервые обнаруживаю другой факт: половина наших основных и лучше вооруженных сил в результате печальной ошибки заблудилась на подходах к городу и не оказалась рядом с нами в решающий для нас момент. Абель Сантамария с группой в двадцать один человек захватил гражданский госпиталь. К нему присоединились для ухода за ранеными врач и две девушки — наши товарищи. Рауль Кастро с десятью товарищами занял Дворец правосудия. На мою долю с остальными девятью товарищами выпал штурм казармы. Я подошел с первой группой в сорок пять человек, впереди нас двигался передовой отряд из восьми человек, снявший третий пост. Именно здесь начался бой, когда мой автомобиль натолкнулся на патруль внешней охраны, вооруженной пулеметами. Резервная группа, почти все бойцы которой располагали винтовками, — легкое оружие находилось в авангарде — двинулась не по той улице, по какой надо было следовать, и окончательно заблудилась в незнакомом городе. Должен заявить, что я ни в какой степени не сомневаюсь в храбрости этих людей, которые, потеряв направление, страдали от горечи и отчаяния. В результате сложившейся во время боя обстановки из-за одинакового цвета формы обеих сражавшихся сторон нелегко было восстановить контакт с этой группой. Многие из них, задержанные позднее, встретили смерть как подлинных героев.

Все наши бойцы получили очень точные инструкции проявлять прежде всего гуманность в борьбе. Никогда еще ни одна группа вооруженных людей не была так великодушна с противником. В первые же моменты боя нами были захвачены многочисленные пленные, около двадцати человек. И был момент вначале, когда три наших человека из тех, кто захватил сторо-

жевой пост: Рамиро Вальдес, Хосе Суарес и Хесус Монтане проникли в барак и временно взяли в плен около пятидесяти солдат. Эти пленные выступили перед судом и все без исключения признались, что к ним относились с большим уважением, они не слышали ни одного грубого слова. В этой связи я должен от всего сердца поблагодарить господина прокурора: на суде, когда судили моих товарищей, он в своем выступлении справедливо признал как несомненный факт высочайший дух благородства, который мы проявили в борьбе.

Дисциплина же солдат была довольно плохой. Они победили нас в последнем счете только численностью: на каждого нашего бойца приходилось по пятнадцать противников, которых, кроме того, охраняли стены крепости. Наши люди стреляли намного лучше и наши противники сами это признали. Храбрость равно проявила как та, так и другая сторона.

Оценивая причины нашего тактического поражения, помимо вышеуказанной печальной ошибки, я считаю, что разделение отрядов наших бойцов, которых мы так тщательно готовили, было ошибкой с нашей стороны. Из наших самых лучших людей и самых отважных командиров двадцать семь находились в Баямо, двадцать один — в гражданском госпитале, десять — во Дворце правосудия. Если бы мы иначе расставили свои силы, результат мог бы быть другим. Столкновение с патрулем — чистая случайность, так как двадцатью секундами раньше или позже он находился бы уже в другом месте, — позволило казармам подготовиться. Не будь этого, они попали бы в наши руки без единого выстрела, ибо сторожевой пост уже находился в наших руках. Кроме того, за исключением винтовок 22-го калибра, к которым у нас было достаточно патронов, другого оружия у нас было очень мало. Если бы мы имели ручные гранаты, казарма не могла бы сопротивляться и пятнадцати минут.

Убедившись, что все наши усилия взять крепость стали уже тщетными, я начал отводить наших людей группами по восемь и десять человек. Отход прикрывался шестью снайперами, которые под командованием Педро Мирета и Фиделя Лабрадора, героически преградили путь солдатам. Наши потери в бою были незначительными. 95 процентов наших павших погибли в результате жестокости и бесчеловечности, когда борьба уже закончилась. В группе, действовавшей в гражданском госпитале, погиб только один человек, а остальные оказались в ловушке, так как единственный выход из здания был перекрыт войсками. Но люди дрались до тех пор, пока у них не кончились патроны. С ними находился Абель Сантамария — самый благородный, любимый и бесстрашный среди наших юношей; его славная борьба делает его имя бессмертным в истории Кубы. Мы еще увидим, какая судьба их постигла и как Батиста хотел проучить нашу молодежь за непокорность и героизм.

В случае нашего поражения при нападении на полк мы рассчитывали продолжать борьбу в горах. Я сумел объединить снова в Сибонее около трети наших сил. Но многие уже находились в подавленном состоянии. Мы увидим далее, что произошло с ними. Остальные восемнадцать человек с оружием и снаряжением, которое у них оставалось, последовали за мной в горы. Местность была совсем незнакома нам. В течение недели мы находились в самой высокой части хребта Гран-Пьедра. Солдаты армии расположились внизу. Мы не могли спуститься вниз, они не осмеливались подняться вверх. Таким образом, не оружие, а голод и жажда сломили наше сопротивление. Я разбил людей на маленькие группы: некоторые из них сумели просочиться сквозь заслон солдат, другие были взяты под защиту монсеньором Пересом Сервантесом. Когда со мной осталось всего два товарища — Хосе Суарес и Оскар Алькальде, — мы были обессилены до предела, поэтому на рассвете в субботу, 1 августа, отряд под командованием лейтенанта Саррии застал нас врасплох спящими. Убийства пленных уже прекратились после резкой реакции общественности, и этот офицер, честный человек, помешал некоторым убийцам застрелить в чистом поле людей со связанными руками.

Нет необходимости опровергать здесь очередные глупости, при помощи которых пытались запачкать мое имя Угальде Каррильо и его преспешники с тем, чтобы прикрыть свою трусость и свою бездарность, скрыть свои преступления. Но факты слишком очевидны.

Я не ставлю своей целью занимать судей эпическими описаниями. Все, что я сообщил, необходимо для более ясного понимания того, что я скажу далее.

Я хочу обратить внимание на две важные детали, на основании которых можно ясно судить о наших позициях. Во-первых, нам было бы легче захватить полк, арестовать попросту всех высших офицеров на их квартирах, но эта возможность была отвергнута по гуманным соображениям: мы хотели избежать трагических сцен и борьбы в семейных домах. Во-вторых, было решено не захватывать никакой радиостанции, пока не будет захвачена казарма. Такая наша позиция, редкая по мужеству и благородству, избавила граждан от большого кровопролития. Я мог с десятком бойцов занять радиостанцию и призвать народ к борьбе. В готовности народа можно было не сомневаться. У меня было последнее выступление Эдуарда Чибаса на СМКу, записанное на пленку, патриотические стихи и военные гимны, способные воспламенить даже самых инертных, да еще в такой момент, когда на улице слышался шум борьбы. Но я не захотел воспользоваться этим несмотря на наше отчаянное положение.

Правительство упорно старалось доказать, что народ не поддержал наше движение. Никогда еще я не слышал такого

наивного и вместе с тем злонамеренного утверждения. Подобными утверждениями пытаются доказать, что народ труслив, что он безропотно подчиняется диктатуре. Так можно договориться до того, что народ поддерживает диктатуру. Они не представляют себе, как это обидно для отважных жителей провинции Орьенте. Жители Сантьяго-де-Куба полагали, что бой идет между солдатами, и узнали обо всем лишь много часов спустя. Кто сомневается в храбрости, патриотизме и безграничной смелости непокорного и любящего родину населения Сантьяго-де-Куба? Если бы Монкада попала в наши руки, то даже женщины Сантьяго-де-Куба взяли бы в руки оружие! Много винтовок зарядили нашим бойцам сестры гражданского госпиталя! Они тоже сражались. Этого мы не забудем никогда.

Мы не собирались сражаться с солдатами полка — мы поставили задачу захватить их врасплох, разоружить их, обратиться к народу, собрать затем военных и предложить им отказаться от ненавистного знамени тирании и встать под знамя свободы; предложить им защищать великие интересы нации, а не мелочные интересы небольшой группы; повернуть оружие против врагов народа, а не против самого народа, среди которого их дети и родители; бороться, как братья, вместе с народом, а не против него, как враги, которыми их хотят сделать; идти вместе ради достижения единственно прекрасного и достойного идеала, за который можно отдать и жизнь. Таким идеалом является величие и счастье родины. Тех, кто сомневается в том, что многие солдаты присоединились бы к нам, я хотел бы спросить: какой кубинец не стремится к славе? Какой дух не воспламенится, когда занимается заря свободы?

Военные моряки не боролись против нас, и нет сомнения, что они присоединились бы к нам несколько позже. Известно, что люди, принадлежащие к этому роду войск, менее всего симпатизируют тирании и что среди его представителей очень высок дух гражданского самосознания. Но что касается остальной части национальной армии, разве она стала бы сражаться против восставшего народа? Я утверждаю, что нет. Солдат — это живой человек, который думает, наблюдает и чувствует. Он также попадает под влияние мнений, верований, симпатий и антипатий, которые существуют у народа. Если вы спросите его мнение, он ответит, что не может сказать его. Но это не значит, что у него нет мнения. Он живет теми же проблемами, что и остальные граждане страны: добывание средств к существованию, жилищный вопрос, воспитание детей, их будущее и т. д. Каждый член его семьи — это неизменная точка соприкосновения между ним и народом, с настоящим и будущим общества, в котором он живет. Глупо думать, что раз солдат получает жалованье — довольно скромное — от государства, то он решил все свои насущные проблемы, которые диктуются его нуждами, обязанностями и чувствами как члена семьи и общественного коллектива.

Это короткое пояснение необходимо, ибо оно напоминает о том факте, над которым очень немногие задумывались до настоящего момента: солдат глубоко уважает чувства большинства народа. В период режима Мачадо в той мере, в какой росла к нему народная антипатия, буквально на глазах исчезала преданность армии, и дело дошло до того, что группа женщин чуть было не подняла восстание в казарме Колумбия. Но еще более ясным доказательством этого является недавний факт: в то время как режим Грау Сан-Мартина пользовался в народе наибольшей популярностью, в армии стали возникать многочисленные заговоры, поощряемые беспринципными военными в отставке и честолюбивыми гражданскими деятелями, однако ни один из этих заговоров не нашел отклика среди массы военных.

К 10 марта престиж гражданского правительства упал до минимума. Этим обстоятельством воспользовались Батиста и его клика. Почему они этого не сделали после 1 июня? Да потому, что, если бы они ждали, когда большинство нации выразит свои чувства голосованием, ни один заговор не нашел бы поддержки в армии.

Поэтому можно также утверждать, что армия никогда не выступала против режима, поддерживаемого большинством народа. Это историческая правда, и если Батиста старается во что бы то ни было остаться у власти вопреки воле абсолютного большинства народа Кубы, то его конец будет более трагическим, чем конец Херардо Мачадо.

Я имею право выразить мою точку зрения относительно вооруженных сил потому, что я говорил о них и защищал их тогда, когда другие молчали. И я это делал не для того, чтобы спровоцировать заговор, или по какой-либо другой причине, ибо тогда действовали еще законы конституции. Делал я это в силу простых человеческих чувств и своего гражданского долга. В те времена газета «Алерта» была одной из самых популярных газет благодаря той позиции, которую она занимала во внутренней политике. С её страниц я повел известную кампанию против системы принудительных работ, которой подвергались солдаты в частных поместьях, принадлежавших высокопоставленным гражданским и военным лицам. Я привел документы, фотографии, кинокадры и всевозможные доказательства. С этими доказательствами я обратился в суд 3 марта 1952 года. В статье по этому поводу я неоднократно писал, что было бы элементарной справедливостью увеличить жалование людям, которые несут службу в вооруженных силах. Я хочу знать, был ли еще кто-нибудь, кто поднял свой голос тогда, протестуя против такой несправедливости. Им, конечно, не мог быть Батиста и его компания, который жил очень хорошо на своей прекрасно охраняемой вилле, в то время как я подвергался тысяче различных опасностей, не имея ни телохранителей, ни орудия.

И так же, как тогда я защищал их, так и сейчас, когда снова все молчат, я заявляю, что их подло обманули и к грязи, обману и позору, которым они покрыли себя 10 марта, прибавились грязь и позор страшных и неоправданных преступлений в Сантьяго-де-Куба. С этого момента мундир армии самым позорным образом запятнан кровью, и, если я тогда заявил народу и разоблачил перед судом тот факт, что солдаты, подобно рабам, гнули спину в частных поместьях, сегодня я с прискорбием говорю, что у нас есть военные, которые с ног до головы запачканы кровью многих замученных и убитых кубинцев. И я заявляю также, что если армия служит республике, защищает нацию, уважает народ и охраняет граждан, то было бы справедливым платить солдату по меньшей мере 100 песо месячного жалованья, однако если им пользуются, чтобы убивать и расстреливать, чтобы подавлять народ, предавать нацию и защищать интересы небольшой кучки, то армия не стоит даже того, чтобы республика тратила на нее хотя бы одно сентаво, и казармы Колумбии должны быть превращены в школу, где вместо солдат нужно поместить 10 тысяч детей-сирот.

Но я хочу быть прежде всего справедливым, поэтому я не могу считать всех военных ответственными за преступления, за эти грязные дела и этот позор, которые являются делом рук нескольких предателей и злодеев. Но каждый честный и достойный военный, любящий свое дело и уважающий свой мундир, обязан потребовать и бороться за то, чтобы были смыты эти позорные пятна, чтобы этот обман был разоблачен, чтобы виновные были наказаны, если они не хотят, чтобы принадлежность к армии означала вечный позор, а не гордость.

Ясно, что у организаторов переворота 10 марта не было другого выхода, кроме как освободить солдат от работы в поместьях, но их тут же заставили работать привратниками, шоферами, слугами и телохранителями у всевозможных политиканов, примкнувших к диктатуре. Любой чиновник четвертой или пятой категории считает уже своим правом, чтобы военный водил его автомобиль и охранял его, будто все они постоянно боятся заслуженного пинка.

Если и была в действительности попытка улучшить положение солдат, то почему же не конфисковали все поместья и миллионы у тех, кто подобно Хеновево Пересу Дамере сколотил состояние, заставлял солдат работать как рабов и присваивал средства, принадлежавшие вооруженным силам? Но этого не произошло. Хеновево и другие будут иметь солдат, которые станут охранять их в их поместьях, потому что все генералы — участники переворота 10 марта, стремятся сделать то же самое и не могут допустить, чтобы возник подобный прецедент.

Да, 10 марта было позорным обманом... Батиста после того, как потерпел поражение в ходе избирательной кампании, вместе со своей камарильей отъявленных и бесчестных полити-

канов решил воспользоваться недовольством армии, сделать ее своим орудием и по спинам солдат вскарабкаться к власти. И я знаю, что есть много людей, недовольных этим обманом. Вначале им повысили жалование, а затем в результате всевозможных вычетов и снижений их жалование было уменьшено. Множество старых бездарных военных, уволенных ранее из вооруженных сил, заняли высокие посты в армии, закрыв туда доступ способным и отважным молодым людям. Заслуженных офицеров не замечали, в то время как по отношению к родственникам и приближенным высших чинов в армии господствовал самый скандальный фаворитизм. Многие честные военные в эти часы спрашивают себя, зачем вооруженные силы взяли на себя тяжелую историческую ответственность, уничтожив нашу конституцию и поставив у власти группу аморальных, продажных, политически дискредитированных людей, которые не могли рассчитывать на занятие политических постов иначе, как с помощью штыков, да и то чужих...

С другой стороны, военные еще более страдают от тирании, чем гражданские лица. За ними ведется постоянная слежка, и никто из них не уверен, что удержится на своем посту. Любое необоснованное подозрение, любая сплетня, всякая интрига, какой-нибудь наговор — и этого достаточно, чтобы их перевели, выгнали или, обесчестив, бросили в тюрьму. Разве не запретил им Табернилья в специальном приказе беседовать с любым представителем оппозиции — иными словами, с 99 процентами всего народа!.. Какое недоверие!.. Даже непорочным римским весталкам не навязывали подобных правил! О строительстве домиков для солдат было сделано столько хвастливых заявлений, но в действительности их было построено по всему острову не более 300, хотя средств, истраченных на танки, пушки и оружие, было бы достаточно, чтобы выстроить каждому новобранцу по дому. Батисте важна не забота об армии, ему нужно, чтобы армия защищала его. Его власть, основанная на насилии и смерти, крепнет, но это не означает, что благосостояние людей улучшается. Тройная охрана, безотлучное пребывание в казарме, постоянная тревога, вражда со стороны населения, неуверенность в будущем — вот что получил солдат либо, другими словами: «Умри за наш режим, солдат, отдай ему пот и кровь, мы посвятим тебе речь, дадим посмертное повышение в звании (когда тебе это будет ни к чему), а затем... мы будем продолжать хорошо жить и обогащаться; убивай, насилуй, подавляй народ, а когда народ устанет терпеть и покончит со всем этим, ты заплатишь за наши преступления, мы же отправимся за границу, чтобы жить там как принцы. А если мы вернемся когда-нибудь, то не стучись со своими детьми в двери наших дворцов, ибо мы станем миллионерами, а миллионеры не знакомятся с бедняками. Убивай, солдат, подавляй народ, умирай за наш режим, отдай ему пот и кровь...»

Если же, оставаясь слепой по отношению к этой печальной действительности, некоторая часть вооруженных сил и решила бы бороться против своего народа, который хотел освободить даже их от тирании, то и тогда победа оказалась бы на стороне народа. Господин прокурор очень интересовался нашими перспективами на успех. Эти возможности основывались на соображениях технического и военного характера, а также на мотивах социального порядка. Были предприняты попытки создать миф о том, что наличие современного вооружения делает невозможной любую открытую и прямую борьбу народа против тирании. Военные парады и пышные показы военной техники преследуют цель раздуть этот миф и создать у народа комплекс абсолютного бессилия. Но никакое оружие, никакая сила не способны победить народ, решившийся бороться за свои права. Ненumerable исторические примеры из прошлого и настоящего. Вы помните недавние события в Боливии, где горняки, вооруженные самодельными бомбами из динамита, разгромили полки регулярной армии.

Но кубинцам, к счастью, не надо искать примеры в другой стране, ибо мы можем привести прекрасный и красноречивый пример из истории нашей собственной родины. Во время войны 1895 года на Кубе было около полумиллиона вооруженных испанских солдат. Это намного больше того, что может противопоставить диктатура народу, количественно увеличившемуся в пять раз. Вооружение испанской армии, разумеется, было намного современнее и мощнее, чем то, которое имели мамбисес. Зачастую испанцы располагали полевой артиллерией, а их пехота пользовалась винтовками, заряжающимися с казенной части, подобными тем, которыми еще сейчас вооружена современная пехота. Кубинцы в основном не располагали другим оружием, кроме мачете, ибо их патронташи почти всегда были пусты. Имеется незабываемая страница в истории нашей войны за независимость, написанная генералом Миро Архентером, начальником штаба Антонио Масео, которую мне удалось переписать и принести сюда, чтобы не приводить ее по памяти.

«Новобранцы, которыми командовал Педро Дельгадо, в большинстве своем имевшие только мачете, набросились на вооруженных испанцев и были разгромлены в такой степени, что не будет преувеличением сказать, что из пятидесяти человек половина была убита. Они атаковали испанцев голыми руками — без пистолетов, без мачете, без ножей! При осмотре зарослей Рио-Ондо было обнаружено еще пятнадцать убитых кубинцев, но к какому отряду они принадлежали, установить пока не удалось. Не было никаких признаков, указывающих на то, что и они имели при себе оружие. Их одежда сохранилась полностью, на поясах не было ничего, кроме жестяных кружек. В двух шагах от них лежала мертвая лошадь с полным снаряжением. Завершающая часть трагедии, происшедшей здесь,

понемногу прояснилась; эти люди, следуя за своим бесстрашным командиром подполковником Педро Дельгадо, показали образец героизма: они бросились против штыков с голыми руками; слабый лязг металла, который раздавался во время рукопашной, исходил от ударов кружек для воды по металлическим частям конской сбруи. Масео был потрясен. Он, привыкший видеть смерть во всех ее проявлениях, произнес такой панегирик: «Я никогда не видел такого: безоружные новобранцы атаковали испанцев, будучи вооружены только жестяными кружками! А я еще называл их обозниками!»...

Так борются народы, когда хотят завоевать свободу: они швыряют камни в самолеты и голыми руками переворачивают танки!

Если бы мы захватили власть в городе Сантьяго-де-Куба, то немедленно подняли бы жителей провинции Орьенте на борьбу. Баямо был атакован с тем, чтобы поставить наши передовые посты у реки Кауто. Нельзя забывать, что эта провинция, которая сейчас насчитывает полтора миллиона жителей, является, несомненно, самой боевой и полной патриотизма на Кубе. Именно здесь длилась 30 лет борьба за независимость, и ее жители больше всех пролили крови и принесли жертв, они более всех проявили героизм... В Орьенте до сих пор чувствуется атмосфера той славной эпопеи, и на рассвете, когда поют петиухи, словно горн, сзывающий солдат, и над крутыми горами поднимается солнце, кажется, что снова встает день Яра или Байре.

Я уже сказал, что второй предпосылкой, на которой основывалась наша вера в успех, были причины социальные. Почему мы были уверены в поддержке народа? Когда мы говорим «народ», мы имеем ввиду не зажиточные и консервативные слои нации, которым по нраву любой угнетающий режим, любая диктатура, любой вид деспотизма и которые готовы бить поклоны перед очередным хозяином, пока не разобьют себе лоб. Под народом мы понимаем, когда говорим о борьбе, огромную угнетенную массу, которой все обещают и которую все обманывают и предадут, но которая жаждет иметь лучшую, более справедливую и более достойную родину. Мы имеем в виду тех, кто веками рвется к справедливости, ибо поколение за поколением страдает от несправедливости и издевательств. Мы имеем в виду тех, кто хочет мудрых и больших преобразований во всех областях и готов отдать за это все до последней капли крови, когда верит во что-то или в кого-то, особенно, если достаточно уверен в самом себе. Но чтобы люди искренне и от всей души уверовали в какую-то идею, надо делать то, чего никто не делает: говорить людям с предельной ясностью и безбоязненно все. Демагоги и профессиональные политики хотят сотворить чудо, сохраняя во всем и со всеми хорошие отношения, при этом неизбежно обманывая всех и во всем. Революционеры же должны

смело провозглашать свои идеи, определять свои принципы и выражать свои намерения так, чтобы никто не обманывался в них — ни друзья, ни враги.

Когда речь идет о борьбе, мы называем народом 600 тысяч кубинцев, которые не имеют работы и хотят честно зарабатывать хлеб, а не быть вынужденными эмигрировать из страны в поисках средств к существованию; 500 тысяч сельскохозяйственных рабочих, живущих в жалких хижинах и работающих всего четыре месяца в году, а в остальное время голодающих, разделяющих нищету со своими детьми, не имеющих ни клочка земли для посевов, людей, чье существование должно было бы вызвать сострадание, если бы не было столько каменных сердец; 400 тысяч промышленных рабочих и чернорабочих, чьи пенсионные кассы целиком разворованы, у них отнимают завоеванные ими права и они живут в ужасающих жилищах, а их заработок из рук хозяина попадает прямо в руки ростовщика, людей, которых в будущем ожидает понижение по работе и увольнение, жизнь которых — это постоянная работа, а отдых — только могила; мы говорим также о 100 тысячах мелких земледельцев, которые живут и умирают, обрабатывая землю, не принадлежащую им, глядя на нее с грустью, как Моисей на землю обетованную, но так и умирают, не получив ее, обязанные заплатить за свои клочки земли, словно феодальные крепостные, часть своего урожая; они не могут лелеять эту землю, улучшать ее, украшать ее, посадить на ней кедр или апельсиновое дерево, ибо сами не знают, когда придет альгвасил с сельской гвардией и сгонит их с этого клочка. Мы говорим также о 30 тысячах самоотверженных учителей и преподавателей, принесенных в жертву, людей, столь необходимых для лучших судеб будущих поколений, но с которыми так плохо обращаются, им так мало платят за труд; мы говорим и о 20 тысячах мелких торговцев, отягощенных долгами, разоряемых кризисами и окончательно добиваемых множеством грабителей чиновников и взяточников; о 10 тысячах молодых специалистов — врачах, инженерах, адвокатах, ветеринарах, педагогах, зубных врачах, аптекарях, журналистах, художниках, скульпторах и т. д., — которые покидают учебные аудитории с дипломами, с желанием бороться, полные надежд, а попадают в тупик, натываясь повсюду на закрытые двери, безразличие к их просьбам и требованиям. Вот это и есть народ — те, кто переживает все несчастья и поэтому готов бороться со всей отвагой! Этому народу, печальные пути которого вымощены фальшивыми обещаниями и ложью, — этому народу мы не скажем: «Мы вам все дадим». Мы ему скажем: «Отдай борьбе все свои силы, чтобы свобода и счастье стали твоим достоянием!»

В документах предварительного следствия по этому делу должны фигурировать пять революционных законов, которые были бы немедленно провозглашены после взятия крепости

Монкада и обнародованы по радио. Возможно, что полковник Чавиано сознательно уничтожил эти документы, но даже если он их уничтожил, то я храню их в своей памяти.

Первый революционный закон возвращал народу его суверенитет и провозглашал конституцию 1940 года подлинным высшим законом государства, если только народ не решил бы изменить ее или заменить другой. Для введения конституции и примерного наказания всех предавших ее лиц, в связи с отсутствием избранных народом органов для осуществления этих задач, революционное движение, как временное олицетворение суверенитета народа — единственного источника законной власти — должно было взять на себя все полномочия, свойственные этому суверенитету, за исключением права изменять конституцию: издавать законы, исполнять их и права судебной власти.

Эта позиция не могла быть более ясной и лишенной бесплодной болтовни и шарлатанства: правительство, провозглашенное победившим в борьбе народом, должно было получить все необходимые полномочия, чтобы эффективно исполнять народную волю и подлинное правосудие. Начиная с этого момента судебная власть, которая после 10 марта была противопоставлена конституции и находилась вне сферы действия конституции, была устранена как таковая. Она подверглась бы немедленной и полной чистке, прежде чем ей были бы возвращены вновь полномочия, которые предоставляет ей высший закон республики. Без этих предварительных мер возвращение к законности и передача ее защиты в руки тех, кто над ней бесчестно надругался, явилось бы мошенничеством, обманом и еще одним предательством.

Второй революционный закон передавал землю в неотъемлемую, без права передачи, собственность всем арендаторам, субарендаторам и издольщикам, имевшим участки в пять или менее кабальерий земли. Стоимость этой земли была бы возмещена бывшим ее владельцам государством на основе ренты, которую они получали бы за эти участки в течение десяти лет.

Третий революционный закон предоставлял рабочим и служащим право на 30 процентов прибылей от всех крупных промышленных, торговых и горнорудных предприятий, включая сахарные заводы. Из сферы действия этого закона исключались чисто сельскохозяйственные предприятия, подпадающие под действие других законов аграрного характера, которые должны были быть приняты.

Четвертый революционный закон предоставлял всем колонам право получать 55 процентов прибылей от выращивания сахарного тростника и минимальную квоту в 40 тысяч арроб всем мелким колонам, живущим в данном месте в течение трех или более лет.

Пятый революционный закон предусматривал конфискацию всего имущества у казнокрадов, нажившихся при всех

предыдущих правительствах, а у членов их семей и наследников — конфискацию имущества, полученного по завещанию или без него нечестным путем. Эта конфискация должна была проводиться специальными судами с широкими полномочиями, предоставляющими им доступ ко всем источникам, необходимым для расследования. Эти суды должны были иметь право вмешательства в дела акционерных компаний, зарегистрированных или действующих в стране, если в них могли быть укрыты расхищенные средства. Они также имели бы право требовать от иностранных правительств выдачи этих лиц и наложения эмбарго на их имущество. Половина всего конфискованного имущества должна была перейти в пенсионные рабочие кассы, а другая половина — использована на больницы, приюты и дома для престарелых.

Кроме того, провозглашалось, что Куба будет проводить в Америке политику тесной солидарности со всеми демократическими странами континента и что политические эмигранты, преследуемые кровавыми тираниями, угнетающими братские народы, найдут на родине Марти не преследование, голод и предательство, как в настоящее время, а великодушное убежище, братство и хлеб. Куба должна была быть бастионом свободы, а не позорным звеном в цепи деспотизма.

Эти законы предполагалось провозгласить немедленно. За ними должны были последовать — после завершения борьбы и предварительного тщательного изучения их содержания и размаха — другие важнейшие законы и мероприятия, такие как, например, аграрная реформа, всеобщая реформа образования, национализация электрического треста и телефонного треста; возвращение народу незаконных излишков, которые эти тресты присвоили в результате завышенных тарифов, выплату казне всех сумм, скрытых от министерства финансов.

Все эти и другие законы основывались бы на строгом выполнении двух главных статей нашей конституции. Одна из них — требует уничтожения латифундий, а затем установления законом максимального количества земли, которым может владеть каждое лицо или организация для каждого вида сельского хозяйства, при этом должны быть предусмотрены необходимые меры для возвращения земли кубинцам. Вторая — самым категорическим образом требует от государства использовать все средства, находящиеся в его распоряжении, для предоставления работы всем, у кого ее нет, обеспечения каждому трудящемуся, занимающемуся физическим или умственным трудом, достойного существования. Поэтому ни один из этих законов не может быть квалифицирован как неконституционный. Первое же избранное народом правительство обязано было бы уважать эти законы и не только потому, что это его моральный долг перед нацией, но и потому, что, если народы добиваются социальных завоеваний, к которым стремились

в течение ряда поколений, никто уже не может лишить их этих завоеваний.

Земля, индустриализация, жилища, безработица, образование и здравоохранение — вот те шесть проблем, шесть конкретных пунктов, на решение которых были бы направлены наши настоячивые усилия наряду с завоеванием общественных свобод и политической демократии.

Изложение этой программы может показаться слишком бесстрастным и теоретическим, если не принимать во внимание страшную трагедию, которую переживает вся страна в связи со всеми этими шестью вопросами, плюс ко всему этому еще самый унижительный политический гнет.

Восемьдесят пять процентов мелких земледельцев Кубы платят арендную плату под постоянной угрозой изгнания со своих участков. Более половины наиболее плодородных обрабатываемых земель находится в руках иностранцев. В провинции Орьенте, самой обширной, земли «Юнайтед фрут компани» и «Уэст индиан» простираются от северного до южного побережья. *200 тысяч* семей крестьян не имеют и клочка земли, где они могли бы вырастить хотя бы овощи для своих голодных детей, при этом *300 тысяч* кабальерий плодородной земли, находящейся в руках могущественных монополий, не обрабатывается. Если Куба является преимущественно аграрной страной, если ее население в большей своей части является крестьянским, если город зависит от деревни, если деревня завоевала независимость, если величие и процветание нашей нации зависит от здорового и крепкого крестьянина, который любит и умеет обрабатывать землю, и от государства, которое его поддерживает и направляет, как же можно сохранять такое положение?

Если не считать нескольких пищевых, деревообрабатывающих и текстильных предприятий, Куба продолжает оставаться страной — поставщицей сырья. Экспортируется сахар, чтобы импортировать конфеты; экспортируется кожа, чтобы импортировать обувь; экспортируется железная руда, чтобы импортировать плуги... Все согласны с тем, что существует насущная необходимость индустриализировать страну, что необходимы металлургические предприятия, предприятия для производства бумаги, химические предприятия, необходимо улучшить племенные стада, посевы, технику и производство наших продовольственных товаров, чтобы они могли выдержать разорительную конкуренцию со стороны европейских предприятий, изготовляющих сыр, сгущенное молоко, ликеры, масло, а также со стороны американских предприятий, производящих консервы. Все согласны с тем, что мы нуждаемся в торговых судах, что туризм может стать для нас огромным источником богатства. Но владельцы капитала требуют, чтобы рабочие терпели любое угнетение, правительство бездействует, а индустриализация откладывается до греческих календ.

Такой же или еще более тяжелой является жилищная проблема. На Кубе насчитывается 200 тысяч лачуг и хижин. 400 тысяч семей в деревне и в городе живут в бараках, в трущобах и хижинах, в которых отсутствуют элементарные санитарные и гигиенические условия. 2200 тысяч городских жителей платят за квартиру от пятой до третьей части своих доходов. 2800 тысяч человек, живущих в деревнях и в городских пригородах, не имеют электрического света. В этой области происходит то же самое: если государство собирается снизить плату за квартиру, то домовладельцы угрожают прекратить всякое строительство. Если государство воздерживается от этой меры, то они будут строить пока получают повышенную ренту. Потом они не положат ни одного кирпича, хотя бы все остальные люди не имели даже крыши над головой. То же самое делает монополия, в руках которой электрическая энергия страны: она проводит линии передачи электроэнергии лишь до того пункта, где ей обеспечены удовлетворяющие ее прибыли. Дальше ее совершенно не интересует, что люди будут жить во мраке до конца дней своих. Государство бездействует, в то время как народ продолжает жить в лачугах и без света.

Наша система просвещения прекрасно дополняет вышеописанную картину. Разве в деревне нужны сельскохозяйственные школы, если крестьянин не является хозяином земли? Разве в городе, где нет промышленности, нужны технические и промышленные школы? Все подчинено одной и той же абсурдной логике: нет ни того, ни другого. В любой небольшой европейской стране насчитывается более двухсот технических и ремесленных школ. На Кубе имеется только шесть таких училищ, но и после окончания их учащиеся не знают, куда можно вложить свой труд. Общественные школы в деревне посещают босые, полураздетые и полуголодные дети, да и они составляют менее половины всех детей школьного возраста. Во многих случаях сам учитель должен приобретать на свое жалованье необходимые для учебы пособия. Разве можно в таких условиях возвеличить родину?

От такой нищеты может избавить только смерть; и уж в этом-то деле государство действительно оказывает помощь. *Девяносто процентов* деревенских детей страдают от паразитов, которые попадают к ним из земли через ногти их босых ног. Общество бывает потрясено сообщением о похищении или убийстве какого-нибудь одного ребенка. Но оно остается преступно безразличным к факту ежегодного массового убийства стольких тысяч детей, которые из-за отсутствия средств медленно умирают в ужасных муках. В их невинных глазах, которые уже затянуло предсмертным туманом, как бы застыл взгляд, устремленный в бесконечность, прося прощения человеческому эгоизму, умоляя, дабы на людей не пало проклятие бога. Если глава семьи работает четыре месяца в году, на что он может

купить одежду и лекарство своим детям? Они будут расти рахитичными и к тридцати годам уже не будут иметь во рту ни одного здорового зуба. Они услышат десять миллионов речей, но умрут в конце концов от нищеты и разочарования. Доступ во всегда переполненные казенные больницы возможен только по рекомендации какого-нибудь политического босса, который потребует за это у несчастного на выборах его голос и голоса всех членов его семьи, дабы Куба вечно оставалась в том же или еще худшем состоянии.

Учитывая все это, разве трудно найти объяснение тому, что с мая и по декабрь миллион человек на Кубе не имеет работы и что наша страна с населением в 5,5 миллиона человек насчитывает сейчас больше безработных, чем Франция и Италия с населением более чем 40 миллионов каждая.

Когда вы судите кого-либо, обвиняемого в краже, господа судьи, вы его не спрашиваете, сколько времени он был без работы, сколько у него детей, сколько дней в неделю у него была еда, а сколько нет. Вы абсолютно не интересуетесь социальными условиями, в которых он живет; вы отправляете его в тюрьму без всяких разговоров. Но туда не отправляют богатых, которые поджигают магазины и торговые лавки, чтобы получить по страховым полисам, хотя при этом погибают иногда и люди,— ведь они имеют достаточно денег, чтобы заплатить адвокатам и дать взятку судьям. Вы сажаете в тюрьму несчастного, который ворует, чтобы не умереть с голоду, но ни один из сотен воров, укравших у государства миллион, никогда не провел и одной ночи за решеткой. Вы ужинаете с ними в конце года в каком-нибудь аристократическом заведении, и они пользуются вашим уважением. На Кубе, когда чиновник становится за одну ночь миллионером и входит в общество богатых, он может быть встречен словами одного из персонажей Бальзака, Тайффера, который поднял тост за молодого человека, только что получившего в наследство несметное богатство: «Господа, выпьем за власть золота! Г-н Валентен, шестикратный миллионер, только что взошел на трон. Он король, он может все, он превыше всего, как это бывает со всеми богачами. Впредь равенство перед законом, освещенное конституцией, станет для него мифом; не он будет подчиняться законам, а они ему. Для миллионеров не существует ни судов, ни наказаний».

Будущее нации и разрешение стоящих перед нею проблем не может продолжать зависеть от эгоистических интересов дюжины финансистов, от хладнокровных подсчетов прибылей, которые производят в своих кабинетах с кондиционированным воздухом десять или двенадцать финансовых магнатов. Страна не может более просить на коленях о чуде перед несколькими золотыми тельцами, которые, как и тот из Ветхого завета, которого уничтожил гнев пророка, не могут сотворить никакого чуда. Проблемы республики будут разрешены только тогда, когда мы

посвятим себя борьбе за их разрешение с той же энергией, честностью и патриотизмом, с какой наши освободители создавали республику, и не с государственными деятелями типа Карлоса Саладригаса, чья деятельность заключается лишь в стремлении оставить все так, как есть, бормоча глупости об «абсолютной свободе предпринимательства», о «гарантиях для вложенного капитала» и о «законе спроса и предложения», как будто при помощи болтовни могут быть разрешены все проблемы. Во дворце на Пятой авениде эти министры могут заниматься веселой болтовней до тех пор, пока развеется даже прах от костей тех, кто ныне требует срочного решения этих проблем. В современном мире ни одна социальная проблема не решается сама по себе.

Революционное правительство при поддержке народа и доверия всей нации после чистки учреждений от взяточников и продажных чиновников немедленно приступило бы к индустриализации страны, используя для этого весь бездеятельный капитал, который составляет в настоящее время более полутора миллиардов, с помощью Национального банка и Банка развития сельского хозяйства и промышленности. Оно поручило бы изучение, руководство, планирование и осуществление величественной задачи техническим специалистам и другим компетентным людям, совершенно чуждым политическим махинациям.

Революционное правительство при поддержке народа и доверии всей нации после чистки учреждений от взяточников за которые они сейчас платят арендную плату, приступило бы к окончательному решению земельного вопроса. Во-первых, оно установило бы, как того требует конституция, максимальное количество земли для каждого типа сельского хозяйства и экспроприировало все излишки, что означало бы возвращение государству незаконно присвоенных земель; оно занялось бы осушением заболоченных и прибрежных земель, созданием огромных питомников и выделением зон для лесонасаждений. Во-вторых, оно распределило бы оставшуюся землю среди крестьян, преимущественно многосемейных, стало бы способствовать созданию сельскохозяйственных кооперативов для совместного пользования дорогостоящими машинами, холодильниками для того, чтобы создать единое специализированное руководство животноводством, предоставляя при этом крестьянину денежные средства, машины, защиту и необходимые знания.

Революционное правительство разрешило бы жилищную проблему, решительно снизив на 50 процентов плату за жилье; освободив от всякого налога дома, заселенные их собственными владельцами; утроив налоги на домовладельцев, сдающих жилища в аренду; уничтожив адские трущобы, построив на их месте многоэтажные современные дома; финансируя жилищное строительство по всему острову в невиданных масштабах. Мы считаем, что если в деревне каждая семья должна владеть

своим собственным земельным участком, то в городе каждая семья должна жить в собственном доме или квартире. Имеется достаточно строительного камня и избыток рабочих рук, чтобы построить каждой кубинской семье достойное жилище. Но если мы будем продолжать ждать милостей от золотого тельца, пройдет еще тысяча лет и проблема останется неразрешенной. Кроме того, в наше время возможность дать электрический ток даже в самые отдаленные уголки острова намного больше, чем когда-либо, ибо сейчас в этой области уже используется ядерная энергия, что в огромной степени должно удешевить стоимость производства электроэнергии.

При помощи этих реформ и начинаний проблема безработицы автоматически исчезнет, а профилактика и борьба с болезнями станут намного более легкой задачей.

И, наконец, революционное правительство приступило бы к осуществлению всеобщей реформы нашего образования, приспособившая его к выполнению всех перечисленных выше задач, чтобы как следует подготовить те поколения, которые будут жить на более счастливой родине. Не забывайте слова Апостола: «В Латинской Америке совершается ужасная ошибка: народы, которые живут исключительно продуктами деревни, воспитывают своих детей для городской жизни, не готовят их к крестьянской жизни». «Самым счастливым будет тот народ, который лучше всех воспитает своих детей — сумеет обогатить мысль и укажет направление их чувствам». «Просвещенный народ всегда будет сильным и свободным».

Но душой всякого просвещения является учитель, а педагогу на Кубе платят гроши. И в то же время нет человека более влюбленного в свою профессию, чем кубинский учитель. Кто из нас не узнал первые буквы в маленькой народной школе? Нельзя более платить жалкие гроши мужчинам и женщинам, которые выполняют самую святую задачу сегодняшнего и завтрашнего дня — задачу обучения. Ни один учитель не должен получать менее 200 песо, а преподаватель средней школы — меньше 350, если мы хотим, чтобы они целиком посвятили себя своей высокой миссии и не жили под гнетом всевозможных мелких лишений. Кроме того, нужно предоставить учителям, которые работают в деревне, право бесплатного пользования средствами транспорта. И всех — по крайней мере раз в пять лет — следует освобождать на шесть месяцев с сохранением жалованья и направлять на специальные курсы в стране или за границей, дабы они могли приобщиться к самым новейшим педагогическим познаниям и постоянно улучшать свои программы и системы обучения. Где же взять деньги, необходимые для этого? Когда средства не будут разворовываться, когда не будет продажных чиновников, которых подкупают крупные компании в ущерб казне, когда действительно станут использовать огромные ресурсы нации, прекратится покупка танков, бомбардиров-

щиков и пушек для страны, не имеющей границ, причем оружие используется только против народа, когда появится желание обучать народ вместо того, чтобы убивать его,— тогда денег будет в избытке.

Куба могла бы обеспечить всем необходимым население в три раза большее, чем оно есть сейчас. Поэтому нет причин для существования нищеты среди ее нынешних жителей. Рынки должны ломиться от продуктов. Кладовые домов должны быть полны. Все рабочие руки могли бы что-то создавать. Нет, это не немисливо — немисливо, что есть люди, которые ложатся спать голодными, в то время как остается незасеянным хотя бы клочок земли. Немисливо, что есть дети, умирающие без медицинской помощи. Немисливо, что 30 процентов наших крестьян не умеют расписываться, а 99 процентов из них не знают истории Кубы. Немисливо, что большинство семей в наших деревнях живут в худших условиях, чем индейцы, которых здесь встретил Колумб, открыв самую прекрасную землю, какая когда-либо представляла перед человеческим взором.

Тем, кто назовет меня за это мечтателем, я отвечу словами Марти: «Настоящий человек не ищет, где лучше живется,— он ищет, где его долг; и это единственно практичный человек, чья сегодняшняя мечта станет завтра законом, ибо тот, кто заглянул в самые глубины вселенной и увидел бурлящие народы, сгорающие и истекающие кровью в мастерской веков, тот знает, что будущее — и тут не может быть исключений — на стороне тех, кто знает свой долг».

Понять героизм тех, кто пал в Сантьяго-де-Куба, можно, лишь зная о том, что они вдохновлялись такими высокими идеалами. Скучные материальные средства, которыми мы располагали, помешали нашему успеху. Солдатам сказали, что Прио нам дал миллион песо. Им хотелось извратить самый тяжкий для них факт: что наше движение не имело никакой связи с прошлым, что мы были новым поколением Кубы со своими собственными идеями, поколением, которое поднялось против тирании; что это были молодые люди, которым не исполнилось и семи лет, когда Батиста начал совершать свои первые преступления в 1934 году. Что может быть большей глупостью, чем клевета, будто мы получили миллион песо от Прио. Если на сумму, меньшую чем 20 тысяч песо, мы вооружили 165 человек и атаковали один полк и эскадрон, то на один миллион песо мы смогли бы вооружить 8 тысяч человек, атаковать 50 полков, 50 эскадронов и Угальде Каррильо не узнал бы об этом до воскресенья, 26 июля, до 5 час. 15 минут утра. Знайте же, что на каждого, кто участвовал в бою, осталось еще двадцать прекрасно подготовленных юношей, которые не могли принять участия в восстании только потому, что не имели оружия. Эти юноши приняли участие в студенческой демонстрации на улицах Гаваны по случаю празднования столетия со дня рождения Марти.

Участники этой демонстрации заполнили до отказа шесть кварталов города. Если бы в этом бою смогли принять участие еще двести человек или если бы мы имели в своем распоряжении хотя бы 20 ручных гранат, мы, может быть, избавили бы этот уважаемый суд от стольких хлопот.

Политические деятели во время своих предвыборных кампаний тратят миллионы песо, подкупая совесть людей. А группа кубинцев, которая хотела спасти честь родины, должна была из-за отсутствия средств идти на смерть с голыми руками. Это — свидетельство того, что до сих пор страной правили не благородные, самоотверженные люди, а кучка низких политиканов, гнусная накипь нашей общественной жизни.

С еще большей гордостью, чем когда-либо, я заявляю, что мы, следуя своим принципам, не стучались в двери ни одного политического деятеля, прося пожертвовать хотя бы одно сентаво. Мы собрали свои средства лишь благодаря беспримерным лишениям. Например, юноша Эльпидио Соса продал свою должность и однажды явился ко мне с 300 песо, как он сказал, «для нашего дела». Фернандо Ченард продал аппаратуру из своей фотостудии, в которой он зарабатывал себе на жизнь. Педро Марреро отдавал на подготовку восстания свое жалованье в течение многих месяцев, и пришлось строго ему приказать, чтобы он не продал также свою мебель. Оскар Алькальде продал свою лабораторию фармацевтических товаров. Хесус Монтане отдал деньги, которые он копил более пяти лет. Так поступили многие другие, отказываясь от того небольшого, что имели.

Нужно иметь огромную веру в свою родину, чтобы так поступить. Но воспоминания об их самоотверженности ведут меня к наиболее горестной главе этой защиты: цене, которую тирания заставила заплатить этих юношей за то, что они хотели освободить Кубу от гнета и несправедливости.

Любимые, вы пали
Во имя Родины моей!
Главу мою поникшую
Посыплю пеплом от костей...
Протянутые руки тронут сердце,
И стоны зазвучат в ушах,
Пусть вопль мой горестный
Тирана ввергнет в страх!
И тени ваши пусть идут со мною,
Всегда во мне горит ваш дух!
Рыданья грудь мою терзают,
Но слез уж нет — исторгла их
Вся жизнь, что шла в оковах рабства.

Умножьте в десять раз преступления 27 ноября 1871 года, и тогда вы представите себе размеры чудовищных и отвратительных преступлений, совершенных 26, 27, 28 и 29 июля 1953 года в провинции Орьенте. Эти события еще свежи в нашей памяти,

но когда пройдут годы и небо родины очистится от туч, когда возбуждение спадет и страх не будет мутить рассудок людей, тогда все увидят во всей ее страшной наготе масштабы бойни. И грядущие поколения будут с ужасом взирать на этот акт беспрецедентной жестокости в нашей истории. Но я не хочу, чтобы гнев ослепил меня. Мне нужны вся ясность моего ума и спокойствие разбитого сердца, чтобы изложить факты так, как они происходили, со всей простотой и не преувеличивая драматизм, ибо как кубинцу мне стыдно, что бездушные люди своими тяжкими преступлениями обесчестили нашу родину перед всем миром.

Тиран Батиста никогда не был столь совестливым человеком, чтобы поколебаться перед тем, как сказать самую фантастическую ложь народу. Когда он хотел оправдать предательский переворот 10 марта, он придумал миф о некоем военном путче, который должен был якобы произойти в апреле и который он хотел «предотвратить, дабы республика не была залита кровью». Этой вздорной побасенке, разумеется, никто не поверил. Когда же он захотел потопить в крови республику, а террором, насилием и преступлениями подавить справедливо восставших юношей, не желающих быть его рабами, он выдумал еще более фантастическую ложь. Сколь низко же он ставит народ, если пытается так жалко его обманывать! В тот же день, когда я был арестован, я открыто взял на себя ответственность за вооруженное выступление 26 июля. И если бы хоть одна из тех выдумок, которые нагромоздил диктатор против наших бойцов в своем выступлении 27 июля, была справедливой, этого было бы достаточно, чтобы лишить меня моральной силы во время этого суда. Однако почему же он побоялся открыто разбирать мое дело в суде? Почему прибегли к фальсифицированному медицинскому освидетельствованию? Почему были нарушены все процессуальные законы и самым скандальным образом нарушались все распоряжения суда? Почему были совершены невиданные до этого ни на одном открытом судебном процессе вещи, лишь бы любой ценой не допустить моего присутствия на суде? Я со своей стороны сделал все возможное, чтобы присутствовать на процессе, требуя от суда, чтобы меня доставили в суд в строгом соответствии с законом, разоблачая маневры, которые преследовали цель воспрепятствовать этому. Я хотел встретиться со своими «обвинителями» лицом к лицу. Они не захотели этого. Спрашивается, кто же боялся правды, а кто нет?

Домыслы, которые высказал диктатор, выступая на полигоне в лагере Колумбия, были бы достойны смеха, если бы они не были так пропитаны кровью. Он сказал, что нападавшие были группой наемников, среди которых было немало иностранцев. Он заявил, что главная часть нашего плана состояла в том, чтобы совершить покушение на него,— везде и повсюду только он,— как будто люди, атаковавшие крепость Монкада не могли бы

уничтожить его и двадцать таких как он, если бы они придерживались подобных методов. Диктатор заявил, что нападение было подготовлено бывшим президентом Прио, на его деньги. Но уже более чем убедительно доказано абсолютное отсутствие какой-либо связи между нашим движением и прошлым режимом. Он заявил, что мы были вооружены гранатами, а военные специалисты подтвердили здесь, что мы имели только один пулемет и ни одной гранаты. Он заявил, что мы перерезали глотки солдатам, находившимся на сторожевом посту, а документальные описания убитых и медицинские освидетельствования, относящиеся к каждому убитому или раненому солдату, показывают, что ни один из них не имел ран, нанесенных холодным оружием. Но, самое главное, он заявил, что мы, якобы, перерезали всех больных военного госпиталя. А врачи этого самого госпиталя — да, военные врачи! — заявили на суде, что здание госпиталя никогда не было в наших руках, что ни один из больных не был ранен или убит, и была только одна жертва, вызванная тем, что один из санитаров неосторожно выглянул в окно.

Когда глава государства или тот, кто претендует им быть, выступает перед страной, он говорит не ради красного словца, он всегда имеет определенные намерения, хочет вызвать определенный эффект, преследует определенные цели. И если мы в военном отношении были уже побеждены, если мы уже не представляли реальной опасности для диктатуры, то почему же на нас так клеветали? Совершенно ясно, что его выступление преследовало кровавые цели. Совершенно очевидно, что он пытался оправдать преступления, которые были совершены в ту ночь и продолжали совершаться после. Пусть вместо меня говорят цифры: 27 июля в своем выступлении на военном полигоне Батиста сказал, что у нападавших было тридцать два убитых. К концу недели их оказалось уже более восьмидесяти. В каких боях, в каком месте, при каких обстоятельствах погибли эти юноши? Перед выступлением Батисты было убито более двадцати пяти пленных. После его речи было убито еще пятьдесят человек.

Как велико чувство чести у этих военных, скромных армейских техников и специалистов, которые, явившись на суд, не исказили фактов и представили свои доклады в строгом соответствии с истиной! Эти военные делают честь своему мундиру, это настоящие люди! Ни настоящий военный, ни настоящий человек не способен запятнать себя ложью или преступлением. Я знаю, что они невероятно возмущены совершенными варварскими убийствами, я знаю, что они со стыдом и отвращением ощущают запах крови, которой пропитан каждый камень казармы Монкада.

Я призываю диктатора, чтобы он повторил сейчас, если может, свою грязную клевету вопреки свидетельствам этих уважаемых военных. Я призываю его, чтобы он попытался оправдать

перед народом Кубы свою речь от 27 июля; пусть он не молчит, пусть он говорит! Пусть скажет, кто были убийцы, кто эти бесчеловечные и безжалостные варвары. Пусть скажет, не является ли орден «Крест чести», повешенный им на грудь героев бойни, наградой за отвратительные преступления, которые совершены ими. Пусть он возьмет отныне на себя ответственность перед историей и не пытается потом свалить ее на солдат, заявив, что они действовали без его приказа. Пусть он объяснит нации семьдесят убийств. Было пролито столько крови! Нации нужно объяснение, нация требует ответить, нация настаивает на этом.

Известно, что в 1933 году, когда закончился бой в отеле «Насьональ», некоторые офицеры были убиты уже после того, как они сдались в плен, что послужило предлогом для энергичного протеста со стороны журнала «Бозмия». Известно также, что после капитуляции форта Атарес пулеметы осаждавших смели целый ряд пленников и что один из солдат, спросив Бласа Эрнандеса, кто он такой, убил его выстрелом в лицо. В награду за этот трусливый поступок он был произведен в офицеры. Известно, что убийство пленных всегда было связано в истории Кубы с именем Батисты. Как же мы были наивны, не поняв этого до конца! Однако в указанных случаях убийства происходили в какие-то доли минуты, в результате пулеметной очереди, когда пыл борьбы еще не остыл, и все же подобное поведение никогда не может иметь оправдания.

Не так происходило дело в Сантьяго-де-Куба. Там были превзойдены все формы жестокости, злобы и варварства. Там убивали не в течение одной минуты, часа или целого дня — убийства длились целую неделю: избиения, пытки, сбрасывания с крыш и выстрелы не прекращались ни на секунду. Происходило истребление людей руками прекрасно вымуштрованных профессиональных убийц. Казарма Монкада превратилась в фабрику пыток и смерти, а некоторые недостойные люди превратили военный мундир в подобие передника мясника. Стены были забрызганы кровью, пули застревали в стенах вместе с кусками кожи, брызгами мозга, волосами, опаленными выстрелами в упор. Газон во дворе крепости был залит темной и липкой кровью. Руки убийц, которые вершат судьбами Кубы, начертали для пленных при входе в камеру смерти надпись, которая висит у входа в ад: «Оставь надежду, всяк сюда входящий».

Они не захотели даже внешне прикрыть свои преступления, они даже не побеспокоились о том, чтобы замаскировать то, что они совершали. Они думали, что обманули народ своей ложью. Но вышло так, что они сами обманулись ею. Они почувствовали себя хозяевами и господами вселенной, абсолютными властителями жизни и смерти людей. Таким образом, страх, который они испытали на рассвете, они стремились рассеять в этой пляске смерти, в этой подлинно кровавой оргии.

Наша история, охватывающая четыре с половиной века, знает немало актов жестокости, начиная с убийства беззащитных индейцев, зверств пиратов, которые разоряли берега острова, варварства банд «партизан» во время борьбы за независимость, расстрелов пленных кубинцев армией Вейлера, ужасов диктатуры Мачадо и кончая преступлениями марта 1935 года. Но ни одно из этих преступлений нельзя сравнить с этой кровавой, жестокой и печальной страницей нашей истории. Ни одно из них по числу жертв и по жестокости убийц не может сравниться с тем, что произошло в Сантьяго-де-Куба. Только один человек за все эти века сумел запачкать себя кровью в две различные эпохи нашего исторического существования, подвергнув пыткам два поколения кубинцев. И чтобы пустить эту реку крови невиданную в нашей истории, он дождался празднования дня рождения Апостола, 50-летия республики, установление которой стоило стольких жизней, отданных во имя свободы, достоинства и счастья всех кубинцев. Еще более страшным, еще более тяжким является это преступление и потому, что оно тяготеет над человеком, который уже до этого, как господин в течение 11 лет правил нашим народом, по традиции приверженным к свободе и ненавидящим всей душой преступления; оно лежит на человеке, который ни одной минуты за всю свою жизнь не был верен законам, никогда не был искренним, честным и благородным.

Ему было мало предательства в январе 1934 года, преступлений в марте 1935 года, 40 миллионов песо, украденных им за первый период его правления. Ему еще понадобились предательства марта 1952 года и преступления июля 1953 года, а также миллионы, которые он украл и число которых будет известно лишь со временем. Данте разделил свой ад на девять кругов: на седьмом круге он поместил преступников, на восьмом воров, а на девятом — предателей. Трудная будет задача у дьяволов, когда они станут искать место, которого заслуживает душа этого человека... Хотя это в том случае, если бы он имел душу! Тот, кто является вдохновителем зверских убийств в Сантьяго-де-Куба, не имеет ни души, ни сердца.

Я знаю многие подробности о том, как были совершены эти преступления, из уст нескольких военных; стгорая со стыда, они рассказывали мне о сценах, свидетелями которых им пришлось быть.

После того, как закончился бой, наемники диктатора, как разъяренные звери, бросились в город Сантьяго-де-Куба и первый приступ гнева выместили на беззащитном населении. На улице, расположенной очень далеко от места, где происходил бой, они застрелили невинного ребенка, который играл у двери своего дома. Когда отец подошел, чтобы поднять его, выстрелом в голову они убили и его. Кала по прозвищу Ниньо, который возвращался домой с корзинкой хлеба в руках, они застрелили,

не дав произнести ему ни слова. Можно было бы до бесконечности перечислять зверские преступления, совершенные против мирного населения. И если они таким путем действовали против тех, кто не принимал участия в восстании, то можно представить себе страшную участь тех, которых подозревали в участии в восстании. Ибо так же, как и в данном случае, они притянули к этому процессу многих людей, не имевших никакого отношения к событиям; точно так же они убили многих из арестованных, не имевших с восстанием ничего общего. Все эти лица не включены в список жертв, который был опубликован и в котором были указаны только наши люди. Когда-нибудь станет известно действительное число убитых.

Первым среди захваченных в плен был убит наш врач Марио Муньос, который не имел оружия, не был одет в военную форму, а носил докторский белый халат. Человек благородный и знающий дело, он с одинаковой готовностью оказал бы помощь как своему, так и врагу. По дороге из гражданского госпиталя в казарму ему выстрелили в спину и оставили лежать вниз лицом среди лужи крови. Массовые же убийства пленных начались после трех часов пополудни. До этого часа они ожидали приказа. А к этому моменту из Гаваны прибыл генерал Мартин Диас Тамайо, который привез определенные инструкции, принятые на совещании с участием Батисты, командующего армией, начальника СИМ, самого Диаса Тамайо и других. Он заявил, что считает «позором и стыдом для армии, что она в бою понесла в три раза больше потерь, чем нападавшие, и за каждого убитого солдата нужно убить десять пленных». Таков был приказ!

В каждом человеческом коллективе есть люди с низменными инстинктами, врожденные преступники, звери, носители древних атавизмов в человеческом обличье, люди-чудовища, которых обуздывает лишь дисциплина и общественные нормы, но которые, если им дать возможность пить кровь из реки, не прекратят пить ее, пока не осушат реку. Эти люди нуждались именно в таком приказе. В их руки попало самое лучшее, что есть на Кубе, самые храбрые, самые честные, самые убежденные ее люди. Тиран назвал их наемниками, а они умирали как герои от рук людей, которые получают жалованье от республики, давшей им оружие для защиты республики, но которое они используют в интересах шайки преступников для убийства лучших граждан.

Во время пыток им предлагали сохранить жизнь, если они откажутся от своих взглядов. От них требовали ложных показаний о том, что Прио якобы дал им денег. И так как они отказывались, возмущенные таким предложением, их продолжали подвергать жестоким пыткам. Им дробили половые органы, вырывали глаза, но ни один из них не пошел на предательство, не раздалось ни одного стона или мольбы; даже, когда их лишили половых органов, они оставались в тысячу раз более мужчинами,

чем все их палачи, вместе взятые. Фотографии не лгут. Все эти надругательства видны на трупах. Они прибегали и к другим средствам: не сумев сломить стойкость мужчин, они решили испытать храбрость женщин. С окровавленным человеческим глазом в руках сержант и несколько солдат ворвались в камеру, где находились наши товарищи — Мельба Эрнандес и Айдее Сантамария, — и, обращаясь к последней, сказали: «Это глаз твоего брата, если ты не скажешь того, что он не захотел нам сказать, мы вырвем ему и второй». Она, больше всего любившая своего отважного брата, с достоинством ответила: «Если вы вырвали у него глаз и он вам ничего не сказал, я тем более не скажу вам ничего». Позже они вернулись снова и горящими сигарами жгли им руки. В злобе они сказали юной Айдее Сантамарии: «У тебя уже нет жениха, потому что мы его тоже убили». А она снова невозмутимо ответила им: «Он не мертв, потому что умереть за родину — значит жить». Никогда еще кубинская женщина не поднималась на такие высоты героизма и достоинства.

Они не пощадили даже тех, кто был ранен в бою и находился в различных больницах города. Они бросились туда искать их, словно стервятники в поисках жертвы. В больнице «Сентро Гальего» они ворвались даже в операционную, где в этот момент переливали кровь двум тяжелораненым. Они стащили их с операционных столов, а так как раненые не могли идти, поволокли их по полу на первый этаж и дотащили их туда уже мертвыми.

Совершить подобное же преступление в «Колонна эспаньола», где находились два наших раненых товарища, Густаво Аркос и Хосе Понсе, помешал врач Посада, который смело заявил, что они смогут сделать это, только переступив через его труп.

Чтобы убить Педро Мирета, Абельардо Креспо и Фиделя Лабрадора, им сделали в военном госпитале внутривенную инъекцию воздуха и камфоры. Эти товарищи обязаны своей жизнью капитану Тамайо, армейскому врачу и истинно честному военному. Он под дулом пистолета отнял раненых у убийц и отправил в гражданский госпиталь. Эти пять молодых людей были единственными ранеными, оставшимися в живых.

На рассвете пленными группами вывозили на автомобилях из крепости в Сибоней, Ла Майя, Сонго и другие места. Там их, связанных с кляпом во рту, обезображенных пытками, высаживали из машин, чтобы убить в пустынных местах, а затем предать дело так, будто эти люди были убиты во время боя. Все это происходило в течение нескольких дней, и очень мало из тех, кто был захвачен в плен, осталось в живых. Многих пленных убийцы заставляли рыть для себя могилы. Один юноша, которого заставили рыть себе могилу, повернулся и вонзил кирку в лицо одного из убийц. Некоторых они закапывали живыми, связав им руки за спиной. Во многих затерянных уголках Кубы захоронены тела отважных. Только на стрельбище в Монкада погребено пять человек. Придет день, когда их могилы будут вскрыты, и останки

этих героев народ перенесет на своих плечах к монументу, который воздвигнет им свободная родина рядом с могилой Марти с надписью: «Мученикам столетней годовщины».

Последним из наших товарищей, которого они убили в районе Сантьяго-де-Куба, был Маркос Марти. Они поймали его в одной из пещер Сибонея в четверг, 30 июля, утром вместе с товарищем Сиро Редондо. Когда их вели по дороге с поднятыми руками, первому они выстрелили в спину. Он упал на землю, и они добились его еще несколькими выстрелами. Второго они привели в крепость. Когда его увидел майор Перес Чаумонт, он воскликнул: «А этого вы для чего привели!» Суд мог услышать рассказ об этом из уст самого юноши, который остался жив благодаря тому, что Перес Чаумонт назвал «глупостью со стороны солдат».

Приказ убивать был дан по всей провинции. Десять дней спустя после 26 июля одна из газет этого города опубликовала сообщение о том, что на дороге из Мансанильо в Баямо найдены тела двух удушенных молодых людей. Позже было установлено, что это были тела Уго Камехо и Педро Велеса. Там также произошло нечто необычное. Жертв было три. Их увезли из казармы Мансанильо в два часа ночи. По дороге их высадили и, избив до потери сознания, удавили всех веревкой. Однако, когда убийцы ушли, считая, что жертвы уже мертвы, один из них, Андрес Гарсия, очнулся и нашел убежище в доме одного крестьянина. Благодаря ему трибунал также смог узнать все подробности преступления. Этот молодой человек был единственным, кто остался в живых из всех пленников, взятых в районе Баямо.

Около реки Кауто, в местечке, известном под названием Барранкас, на дне заброшенной штольни лежат тела Рауля де Агияра, Армандо дель Валье и Андреса Вальдеса, убитых в полночь по дороге из Альто-Седро в Пальма-Сориано сержантом Монтесом де Ока — начальником сторожевого поста казармы Миранда, капралом Масео и лейтенантом — начальником гарнизона в Альто-Седро, где они были арестованы.

В летописи этого преступления особое место займет сержант Эулалио Гонсалес по кличке Тигр из казармы Монкада. Этот человек даже не стеснялся потом хвастаться своими гнусными подвигами. От его руки погиб наш товарищ Абель Сантамария. Но этому сержанту было мало этого преступления. Однажды, когда он возвращался из тюрьмы Бониато, во дворе которой он развозил петухов, в одном автобусе с ним ехала мать Абеля. Когда этот негодяй понял, что эта женщина, он начал громко бахвалиться своими «подвигами». Он заявил во весь голос, чтобы его услышала женщина, одетая в траур: «Да, я вырвал много глаз и буду продолжать делать это».

Рыдания матери от этого трусливого оскорбления, которое ей нанес убийца ее сына, лучше, чем любые слова, свидетельствуют о невероятном моральном падении, которое переживает наша родина. Этим самым матерям, когда они приходили в казарму Мон-

када узнать о своих сыновьях, с наглым цинизмом отвечали: «Почему же нет, сеньора! Идите в отель святой Ифихении, где его поместили, там его и увидите!» Или Куба уже не Куба, или ответственные за эти преступления понесут ужасное возмездие! Люди без сердца, они грубо кричали на тех людей, которые снимали шляпы при виде провозимых мимо трупов революционеров.

Жертв было столько, что правительство до сих пор не осмеливается опубликовать их списки полностью. Они знают, что цифры не соответствуют действительности. Им известны имена всех убитых, потому что перед убийством пленных они записывали их имена. Все это длительные хлопоты с опознанием с помощью национального кабинета были комедией чистой воды. Есть семьи, которые до сих пор еще не знают о судьбе своих детей, хотя уже прошло почти три месяца. Почему же не говорится последнего слова?

Я хочу также заявить, что у всех убитых обшаривали карманы в поисках денег. Из карманов были вынуты личные вещи, с мертвых были сняты кольца, часы — все это сегодня нагло носят убийцы.

Большую часть того, что я сейчас рассказал, вы уже знаете, господа судьи, из показаний моих товарищей. Но обратите внимание также и на то, что власти не позволили присутствовать на этом судебном процессе многим свидетелям, которые представляют для них опасность и которые присутствовали на предыдущей сессии. Например, отсутствуют все санитарки гражданского госпиталя, несмотря на то, что они находились рядом с нами и работают в том же здании, где происходит это судебное заседание. Им не позволили прийти сюда, чтобы они не дали показаний суду, отвечая на мои вопросы о том, что здесь было арестовано двадцать человек, не считая доктора Марио Муньоса. Они боятся, что из моих вопросов свидетелям станут ясными очень опасные для них вещи, которые будут занесены в протокол.

Но здесь был майор Перес Чаумонт, и он не смог увернуться от моих вопросов. То, что произошло с этим «героем» сражений против безоружных и связанных по рукам и ногам людей, дает представление о том, что могло бы произойти во Дворце правосудия, если бы меня не отстранили от участия в этом процессе. Я спросил его, сколько наших людей погибло во время его знаменитых боев в Сибонее. Он заколебался. Я настоял на своем вопросе. И он ответил, что из наших людей погиб двадцать один человек. Зная, что никаких боев в Сибонее не было, я спросил, сколько раненых было с нашей стороны в этом бою. Он заявил мне, что ни одного: все были убиты. Удивленный, я спросил, не использовала ли армия атомное оружие. Ясно, что, когда людей убивают выстрелом в упор, раненых не бывает. Затем я спросил его, какие потери были со стороны солдат. Он ответил мне, что было двое раненых. Я спросил, наконец, тогда, не умер ли кто из этих раненых. Он ответил, что нет. Я подождал. Перед нами прошли

все раненые армейские солдаты, и среди них не оказалось ни одного участника боев в Сибонее. Этот же самый майор Перес Чаумонт, который не покраснел от стыда, убив двадцать одного беззащитного юношу, построил на пляже Сьюдамар дворец стоимостью более 100 тысяч песо. Эти «сбережения» сделаны им за несколько месяцев после мартовского переворота. И если такие сбережения смог сделать майор, то какие же сбережения сделали генералы!

Господа судьи! Где находятся наши товарищи, арестованные 26, 27, 28 и 29 июля, которых в районе Сантьяго-де-Куба было более шестидесяти? Только трои из них и две девушки появились на суде. Все остальные были арестованы значительно позже. Где находятся наши раненые товарищи? Только судьба пяти из них известна, остальных они также убили. Об этом неопровержимо говорят цифры. С другой стороны, через этот зал прошли двадцать солдат, которые были нашими пленниками, и, по их словам, мы их даже словом не обидели. Здесь прошли 30 раненых солдат, многие из которых получили ранения в уличных боях, и никто из них не был добит. Если среди солдат было 19 убитых и 30 раненых, то как же возможно, что с нашей стороны было 80 убитых и 5 раненых? Кто видел когда-либо бой, в котором 21 человек убит и нет ни одного раненого, как у Переса Чаумонта в его «славных» боях?

Вот цифры потерь во время жестоких боев, понесенных Освободительной колонной во время войны 1895 года,— здесь потери в боях, из которых она вышла победительницей и в боях, в которых кубинцы были побеждены. Бой при Индиос в провинции Лас Вильяс — 12 ранены и ни одного убитого; бой в Маль-Тьемпо — 4 убитых, 23 раненых; бой в Калимете — 16 убитых, 64 раненых; бой в Ла-Пальме — 39 убитых, 88 раненых; бой в Какарахикаре — 5 убитых, 13 раненых; бой в Дескансо — 4 убитых, 45 раненых; бой в Сан-Габриэль-дель-Ломбильо — 2 убитых, 18 раненых... И во всех этих боях число раненых в два, в три, а иногда и в десять раз больше, чем число убитых. Причем тогда медицинская наука не была на современном уровне, который позволяет снизить процент смертности. Как можно объяснить невероятное соотношение: 16 убитых к 1 раненому, если только не объяснять его тем, что раненых добивали в тех же госпиталях, убивали беззащитных пленных. На эти цифры ничего не ответишь.

«Стыд и позор для армии, которая имела в бою в три раза больше потерь, чем нападавшие; нужно уничтожить десять пленных за каждого убитого солдата...» Таково представление о чести у капралов и каптенармусов, ставших после 10 марта генералами. Это понятие о чести они хотят сделать достоянием национальной армии. Это ложная честь, это фальшивая честь, это честь, которая основывается на лжи, лицемерии и преступлении: убийцы обгагривают кровью маску чести. Кто им сказал, что умереть в бою это бесчестие? Кто им сказал, что честь армии

состоит в том, чтобы убивать раненых и военнопленных?

Армии, которые во время войны убивают пленных, всегда заслуживают презрения и проклятия всего мира. Подобная низость не имеет оправдания даже в отношении врагов, вторгшихся на землю родины. Как писал один из освободителей Южной Америки: «Даже самый строгий военный приказ не может заставить солдата превратить свою шпагу в нож палача». Честный солдат не убивает незащитного пленного после боя, он его щадит, он не добивает раненого, а, наоборот, помогает ему. Он препятствует преступлению, и если он не может предупредить преступление, то он поступает так, как поступил тот испанский генерал, который, услышав выстрелы, направленные в студентов, в бешенстве сломал свою шпагу и отказался служить в такой армии.

Те, кто убивали пленных, не были достойными товарищами тех, кто погиб в бою. Я видел много солдат, которые дрались с замечательной храбростью. Так было во время боя с солдатами патруля, которые стреляли из своих пулеметов, сражаясь с нами почти врукопашную. Так дрался один из сержантов, который, рискуя жизнью, подал сигнал тревоги в лагере. Некоторые из них остались живы — это меня радует. Другие убиты. Они думали, что выполняли свой долг, и это делает их в моем представлении людьми, достойными восхищения и уважения. Жаль лишь, что храбрые люди погибли, защищая неправоное дело. Когда Куба станет свободной, она должна будет уважать, опекать и помогать матерям и детям этих храбрецов, которые пали в борьбе против нас. Они не виновны в несчастьях Кубы. Они также были жертвами этого рокового положения страны.

Но славу, которую солдаты снискали своему оружию, пав в бою, растоптали генералы, приказав убивать пленных после боя. Люди, которые стали генералами за одну ночь, даже не сделав ни одного выстрела, купили себе звезды, предав республику, и приказывают убивать пленных после боя, в котором не участвовали — таковые генералы 10 марта, генералы, которые не способны были бы даже управляться с мулами в обозе армии Антонио Масео.

Если армия имела в три раза больше потерь, чем мы, то только потому, что наши люди были прекрасно подготовлены, об этом они сами говорили, и потому, что они прибегли к соответствующей тактике, как они это сами также признали. Если армия показала себя хуже в этом деле, если она была застигнута врасплох, несмотря на миллионы песо, которые тратит СИМ на шпионаж, если ее гранаты не взрывались, потому что они были старыми, — то это происходило потому, что армия имеет таких генералов, как Мартин Диас Тамайо, и таких полковников, как Угальде Каррильо и Альберто дель Рио Чавиано. На этот раз речь шла не о семнадцати предателях в рядах армии, как это было 10 марта, а о ста шестидесяти пяти человеках, которые пересекли остров из конца в конец, чтобы встретить смерть лицом к лицу.

И если бы эти начальники имели понятие о воинской чести, они должны были бы отказаться от своих постов, вместо того, чтобы смывать свой позор и бездарность кровью пленных.

Убивать беззащитных пленных и после этого говорить, что они были убиты в бою,— вот в чем вся воинская доблесть генералов 10 марта! Так действовали в самые суровые годы нашей войны за независимость отвратительные убийцы в армии Валериано Вейлера. В «Хронике войны» имеется такой эпизод: «23 февраля в Пунта-Брава прибыл офицер Бальдомеро Акоста с небольшим отрядом кавалерии. В это же время с другой стороны, по противоположной дороге подходил взвод полка Писарро под командованием сержанта по имени Барригилья. Повстанцы обменялись несколькими выстрелами с солдатами Писсаро и отступили по дороге, которая ведет из Пунта-Брава в селение Гуатао. За пятьдесятю солдатами Писсаро следовала рота волонтеров Марианао и рота охраны общественного порядка под командованием капитана Кальво... Они проследовали по дороге на Гуатао. Когда их авангард вступил в селение, началось избиение мирного населения. Было убито двенадцать мирных жителей... Колонна капитана Кальво набросилась на метавшихся по селению жителей и, крепко связав их, повела в качестве военнопленных в Гавану... Не довольствуясь совершенными в окрестностях Гуатао преступлениями, они осуществили еще одно зверство, убив одного пленного и тяжело ранив других. Маркиз де Сервера, придворный военный и трус, сообщил Вейлеру о дорогостоящей победе, одержанной испанским оружием, однако майор Сугасти, человек чести, разоблачил перед правительством происшедшее, квалифицировав то, что сделали лживый капитан Кальво и сержант Барригилья, как убийство мирных жителей».

Вмешательство Вейлера в это страшное дело и его радость при известии о подробностях убийств видны из официальной депеши, которую он направил военному министру по случаю жестокой бойни: «Небольшая колонна, собранная военным комендантом Марианао из сил гарнизона, добровольцев и пожарников под командованием капитана Кальво из охраны общественного порядка уничтожила в бою отряды Вильянуэва и Бальдомеро Акосты недалеко от Пунта-Брава (Гуатао). Было убито двадцать человек, трупы которых переданы алькальду Гуатао для погребения. Кроме того, захвачены пятнадцать пленных, среди которых один тяжело ранен... предполагается, что есть много раненых с их стороны; с нашей стороны только один тяжело ранен и несколько легко раненых и контуженных.— Вейлер».

Чем отличается эта депеша Вейлера от военных сводок полковника Чавиано, в которых он докладывает о победах майора Переса Чаумонта? Только тем, что Вейлер сообщил о двадцати убитых, а Чавиано — о двадцати одном убитом, Вейлер упоминает об одном раненом солдате в своих частях, а Чавиано — о двух. Вейлер сообщает об одном раненом на пятнадцать пленных

в лагере противника, а Чавиано не сообщает ни об одном раненом и ни об одном пленном.

Так же как я восхищаюсь мужеством солдат, достойно принявших смерть, я восхищаюсь и признаю, что многие военные вели себя достойно и не запачкали своих рук участием в кровавой оргии. Немало пленных, оставшихся в живых, обязаны своей жизнью достойному уважению поведению таких военных, как лейтенант Саррия, лейтенант Кампа, капитан Тамайо и другие, которые благородно оберегали захваченных. Если бы такие люди как эти, не спасли хотя бы частично честь вооруженных сил, сегодня было бы более почетно надевать кухонную тряпку чем мундир.

Ради своих погибших товарищей я не призываю к мести. Их жизни бесценны, и они не могут быть оплачены жизнями даже всех преступников, вместе взятых. Не кровью надо оплачивать жизни молодых людей, погибающих во имя блага народа. Счастье этого народа — вот единственная цена, которой можно искупить их смерть.

Мои товарищи, кроме того, не забыты, и они не мертвы. Они живы ныне более, чем когда-либо, и их убийцы еще увидят в ужасе, как над их героическими телами возникает победоносное видение их идей. Пусть за меня говорит Апостол: «Есть предел рыданиям на могилах умерших, и этот предел — безграничная любовь к родине и к славе, сияющей над их телами, а любовь к родине и славе нельзя победить, нельзя ослабить, потому что тела наших мучеников для нас самый прекрасный алтарь для почитания».

...Когда приходит смерть
В объятия благодарной родины,
Тогда уходит смерть,
Темница рушится,
И вновь приходит жизнь!

До настоящего момента я оперировал только фактами. Я не забываю, что нахожусь перед судом, который меня судит; я докажу сейчас, что только на нашей стороне находится право и что приговор моим товарищам и то наказание, к которому меня хотят приговорить, не имеют оправдания ни перед разумом, ни перед обществом, ни перед истинным правосудием.

Я хочу быть уважительным по отношению к господам судьям и благодарю вас за то, что вы не видите в наготе моей правды неприязни по отношению к ним. Мои доводы преследуют только одну цель — доказать фальшивость и ошибочность позиции, занимаемой в этом случае судебными властями в целом. Ведь каждый суд — это не более чем часть механизма, обязанная двигаться в какой-то степени в том направлении, какое ей указывает машина, хотя это и не позволяет любому человеку действовать против своих принципов. Я прекрасно сознаю, что наибольшую ответственность за это должна нести высшая судебная

олигархия, которая без единого достойного жеста угодливо подчинилась диктатам узурпатора, предав нацию и отказавшись от независимости судебной власти. Немногие честные судьи пытались хоть в какой-то мере восстановить поруганное достоинство суда, высказав особое мнение, но эта попытка незначительного меньшинства, едва наметившись, была подавлена позицией послушного и трусливого большинства. Однако это не мешает мне изложить здесь мою правду. Если мое присутствие здесь, на суде, и является не более чем комедией, при помощи которой хотят придать видимость законности и правосудия произволу, я все равно готов твердой рукой сорвать грязное покрывало, скрывающее подобный позор. Ведь получается забавно: те же люди, что привели меня сюда, чтобы меня судили и осудили, сами не выполнили ни одного требования суда.

Если этот процесс, как вы говорили, является самым важным из всех, которые довелось рассматривать суду со дня основания республики, то мои слова здесь, может быть, и не будут услышаны в результате заговора молчания, организованного диктатурой вокруг меня. Но к тому, что вы будете делать, в будущем еще много раз вернутся. Вы думаете, что вы сейчас судите обвиняемого, но вы в свою очередь будете судимы не один, а много раз... столько, сколько в будущем настоящее будет подвергаться уничтожающей критике. И тогда то, что я скажу здесь, будет повторено много раз и не потому, что это сказал я, а потому, что вопрос о правосудии — это вечный вопрос, и вопреки мнению юристов и теоретиков народ глубоко понимает его. У народа простая, но непоколебимая логика, очищенная от всего абсурдного и противоречивого, и если уж кто-либо ненавидит всей душой привилегии и неравенство, так это кубинский народ. Он знает, что правосудие изображается в виде девы, держащей в руках весы и меч. Если же народ увидит, как она трусливо склоняется перед одними и гневно размахивает оружием против других, то он решит, что эта женщина — проститутка с кинжалом в руке. Моя логика — это простая логика народа.

Я расскажу вам одну историю. Дело происходило в одной республике; она имела свою конституцию, свои законы, свои свободы, президента, конгресс, суды; все могли объединяться, собираться, свободно говорить и писать. Правда, правительство не удовлетворяло народ, но народ мог заменить его и до этого момента оставались считанные дни. В стране существовало уважаемое и соблюдаемое общественное мнение, и все проблемы, имевшие общий интерес, свободно обсуждались. Существовали политические партии, радиочасы для политических выступлений, полемические телевизионные программы, общественные акты. В народе бурлил энтузиазм. Этот народ много страдал, и если он и не был счастлив, то он хотел быть счастливым и имел на это право. Его обманывали много раз, и он смотрел на прошлое с подлинным ужасом. Он слепо верил, что прошлое больше не повторится; он

гордился своей любовью к свободе и жил верой, что эта любовь будет уважаться как святыня. Он ощущал благодарную уверенность в том, что никто не осмелится совершить преступления, покусившись на его демократические институты. Он стремился к изменениям, к улучшению жизни, к прогрессу, и он считал, что все это не за горами. Все надежды его были в будущем.

Бедный народ! Однажды утром граждане проснулись потрясенные. Под покровом ночи, пока народ спал, тени прошлого устроили заговор, и когда он проснулся, его связали по рукам и ногам, ему сдавили горло. Это были знакомые кубинцам когти. Народу были знакомы эти пасти, эти косари смерти, эти сапоги... Нет, это не было кошмаром, это была печальная и страшная действительность: человек по имени Фульхенсио Батиста только что совершил ужасное преступление, которого никто не ожидал.

Случилось так, что один скромный гражданин той страны, хотевший верить в законы республики и в неподкупность ее судей, которых он неоднократно видел причиняющими страдания несчастным, обратился к Кодексу социальной защиты, чтобы посмотреть, какие наказания предусматривало общество для исполнителя подобного акта, и нашел следующее: «Подлежит лишению свободы на срок от 6 до 10 лет всякий, кто совершит любое действие, непосредственно направленное на то, чтобы насильно изменить, целиком или частично, конституцию государства или установленную форму правления».

«Подлежит лишению свободы на срок от 3 до 10 лет тот, кто попытается осуществить заговор, чтобы поднять вооруженное восстание против конституционных властей государства. Подлежит лишению свободы на срок от 5 до 20 лет в случае, если такое восстание было осуществлено».

«Всякий, кто осуществит действия, преследующие определенную цель воспрепятствовать, частично или в целом, даже временно, сенату, палате представителей, президенту республики или верховному суду исполнять их конституционные обязанности, подлежит лишению свободы на срок от 6 до 10 лет».

«Всякий, кто попытается не допустить или нарушить осуществление всеобщих выборов подлежит лишению свободы на срок от 4 до 8 лет».

«Всякий, кто издаст, опубликует, распространит или попытается сделать обязательным на Кубе приказ, распоряжение или декрет..., имеющий целью вызвать неповиновение существующим законам, подлежит лишению свободы на срок от 2 до 6 лет».

«Всякий, кто без законных полномочий и без приказа правительства возьмет на себя командование войсками, крепостями, военными постами, населенными пунктами, военными самолетами или судами, подлежит лишению свободы на срок от 5 до 10 лет».

«Такому же наказанию подвергнется тот, кто узурпирует

выполнение функции, которая, согласно конституции, принадлежит одной из государственных властей».

Не сказав никому ни слова, с кодексом в одной руке и бумагами в другой, этот гражданин явился в старый особняк в столице, где работал компетентный суд, который был обязан возбудить дело и наказать ответственных за такие действия. Он представил письменное заявление, разоблачая совершенные преступления и прося для Фульхенсио Батисты и его семнадцати соучастников лишения свободы на срок в 108 лет, как было предусмотрено Кодексом социальной защиты, и с учетом всех отягчающих обстоятельств: рецидив, вероломство, ночное время действий.

Шли дни и месяцы. Какое разочарование! Обвиняемого не трогали, он разъезжал по республике как хозяин, его почтительно называли господином и генералом, он смешал и назначал судей, и, более того, в день открытия суда преступник восседал на почетном месте среди величественных и почтенных патриархов нашей юстиции.

Снова шли дни и месяцы. Народ устал от издевательств и произвола. Народы устают! Началась борьба, и тогда этот человек, который сам был вне закона, который вопреки воле народа силой захватил власть и нарушил законность, стал пытаться убивать, бросать в тюрьмы и обвинять в судах тех, кто боролся за законность и хотел вернуть народу его свободу.

Господа судьи! Я тот самый простой гражданин, который однажды тщетно обратился к суду, чтобы потребовать наказания честолюбцев, нарушивших законы, ликвидировавших наши институты. Теперь уже меня обвиняют в том, что я хотел свергнуть этот незаконный режим и восстановить законную конституцию республики. Меня держат 76 дней в изоляции в тюремной камере, не разрешая ни с кем разговаривать и даже увидеть сына. Меня возят по городу под наведенными дулами двух пулеметов. Меня доставляют в этот госпиталь, чтобы тайно судить со всей суровостью, и прокурор, держа кодекс в руке, самым торжественным образом требует для меня 26 лет тюрьмы.

Вы ответите мне, что в том случае судьи республики ничего не могли сделать, ибо они отступили перед силой. Тогда признайтесь, что и в данном случае вы также уступите силе, если приговорите меня. В первом случае вы не могли наказать виновного. Во втором случае вы накажете невинного. Таким образом, дева правосудия дважды будет обесчещена силой.

А сколько болтовни, чтобы оправдать то, что не поддается оправданию, объяснить необъяснимое и примирить непримиримое! Наконец дошли даже до того, что признали в качестве высшей справедливости тезис, будто факт создает право. Другими словами, факт в виде танков и солдат, вышедших на улицы и захвативших президентский дворец, казну республики и другие государственные учреждения и направивших оружие в самое сердце

народа, дает право управлять им. Тот же аргумент использовали нацисты, когда оккупировали страны Европы и установили марионеточные правительства.

Я принимаю ту истину, что революция является источником права. Но никогда не может быть назван революцией ночной вооруженный путч, совершенный 10 марта. На вульгарном языке, как сказал Хосе Инхениерос, вошло в привычку называть революцией небольшие беспорядки, которые организует группа недовольных, чтобы лишить пресыщенных правителей их политических синекур или экономических привилегий, заменив лишь одних людей другими, по-новому распределив между собой должности и блага. Это не критерий при определении революции для философа, изучающего историю, это не критерий научного исследователя.

После переворота 10 марта не только не было глубоких изменений в социальной структуре страны — даже на поверхности этого общественного болота не прокатилась ни одна волна, которая всколыхнула бы царящую гниль. Если при предыдущем режиме было много политических махинаций, воровства, произвола и полное отсутствие уважения к человеческой жизни, то нынешний режим увеличил количество этих махинаций в пять раз, в десять раз умножил произвол и в сто раз — неуважение к человеческой жизни.

Известно, что Барригилья грабил и убивал, что он был миллионером, что ему принадлежали многие жилые здания в столице, многочисленные акции в иностранных компаниях, баснословные счета в американских банках, что он распределил совместно нажитое с женой имущество на сумму 18 миллионов песо, что останавливался в самом роскошном отеле американских миллионеров, но никто и никогда не поверит, что Барригилья революционер. Барригилья — это сержант Вейлера, который убил двенадцать кубинцев в Гуатао... В Сантьяго-де-Куба убито семьдесят. *De te fabula narratur.*

Четыре политические партии господствовали в стране до 14 марта: партия «аутентиков», Либеральная, Демократическая и Республиканская. Через два дня после переворота к диктатору присоединилась Республиканская партия. Не прошло и года, как Либеральная и Демократическая партии снова были у власти. Батиста не восстановил конституции, не восстановил гражданских свобод, не восстановил конгресса, не восстановил прямого избирательного права, не восстановил, наконец, ни одного из уничтоженных в стране демократических институтов, но снова привлек к власти Вердеха, Гуаса, Инклана, Сальвито Гарсиа Раоса, Анайю Мурильо. Вместе с высшими руководителями традиционных партий в правительстве появилось самое продажное, самое хищное, самое консервативное и самое арханчное, что есть в кубинской политической жизни. Такова революция Барригильи!

Чуждый самого элементарного революционного содержания, режим Батисты явился для Кубы шагом назад на 20 лет во

всех областях. Все дорого заплатили за этот шаг назад, но особенно дорого — неимущие классы, которые голодают и живут в нищете, в то время как диктатура, разорившая страну этими беспорядками, неспособностью и страхом перед расплатой за содеянное, занялась отвратительным политиканством, придумывая все новые и новые трюки для того, чтобы во что бы то ни стало удержаться у власти, не останавливаясь даже перед горами трупов и морями крови.

Не была осуществлена ни одна смелая инициатива. Батиста полностью находится под влиянием представителей могущественных интересов. Да иначе не могло и быть, учитывая его образ мыслей, полное отсутствие каких-либо взглядов и принципов, полное неверие в силы народа, отсутствие доверия и поддержки со стороны народных масс. Произошла лишь смена властителей и перераспределение добычи среди друзей, родственников, соучастников и сброда хищных паразитов, составляющих политическое окружение диктатора. Сколько унижений пришлось вытерпеть народу для того, чтобы небольшая группа эгоистов, которые не испытывают к родине ни малейшего уважения, могла найти в государственном аппарате *modus vivendi* для легкой и приятной жизни!

Как прав был Эдуард Чибас, заявивший в своем последнем выступлении, что Батиста ратовал за возвращение полковников, за использование на допросах касторки и убийства «при попытке к бегству»! Немедленно после 10 марта на Кубе снова начались варварские акты, которые, как думали, никогда уже не повторятся на кубинской земле: нападение на радиостанцию «Универсидад дель Айре» — беспрецедентное преступление, направленное против культурного учреждения, во время которого гангстеры из СИМ действовали совместно с сопляками из молодежной организации ПАУ; арест журналиста Марио Кучилана, которого увели ночью из дому и зверски изувечили до неузнаваемости; убийство студента Рубена Батисты и преступный расстрел мирной студенческой демонстрации рядом с той самой стеной, где волонтеры расстреляли студентов в 1871 году. Люди, выплевывавшие кровь вместе с кусками отбитых легких на судебных процессах, так как их варварски пытали в застенках карательных органов, как это было в случае с доктором Гарсиа Барсеной. Я уж не буду перечислять здесь сотни случаев, когда группы граждан независимо от того, кто они — мужчины, женщины, молодые, пожилые, — зверски избивались. Все это происходило до 26 июля. Как известно, даже кардинал Артага не избежал этого. Все знают, что он стал жертвой репрессивных органов. Официально было заявлено, что это было дело рук шайки воров. Наконец, хоть на этот раз они сказали правду; в самом деле, как еще можно назвать этот режим? Люди только что с ужасом узнали о случае с журналистом, который был арестован и подвергался пытке огнем в течение 20 дней. В каждом факте — неслыханный цинизм,

безграничное ханжество, трусость. Ведь, чтобы избежать ответственности, они стараются свалить все на врагов режима. Это действия правительства, которые ни в чем не уступают действиям самой отвратительной шайки гангстеров. Даже нацистские преступники не вели себя так трусливо. Гитлер взял на себя ответственность за бойню 30 июня 1934 года, заявив, что в течение 24 часов он был Верховным судом Германии. А палачи, приспешники диктатуры Батисты, которую по низости, жестокости и трусливости нельзя сравнить ни с какой другой, арестовывают, пытаются, убивают, а затем в животном страхе обвиняют в этом врагов режима. Это типичные методы сержанта Барригили.

И ни в одном из случаев, о которых я рассказал, господа судьи, виновные не были привлечены к ответственности и судимы! Как, разве нынешний режим не установил везде порядок, общественный мир и уважение к человеческой жизни?

Я все это рассказал для того, чтобы мне ответили, можно ли называть все это революцией, порождающей право; законна или нет борьба против него; разве не протуирована судебная власть республики, если она бросает в тюрьмы граждан, которые хотят освободить родину от такого позора.

Куба страдает от жестокого и позорного деспотизма, и вы не можете не знать, что сопротивление деспотизму законно. Это принцип, признанный всем миром, и наша конституция 1940 года освещает его со всей очевидностью во втором параграфе статьи 40: «Является законным соответствующее сопротивление для защиты личных прав, гарантированных выше». Но даже если бы наш основной закон не освещал этот принцип, он должен был бы подразумеваться, ибо без него немисливо само существование демократического коллектива. Профессор Инфиста в своей книге о конституционном праве устанавливает разницу между конституцией политической и конституцией юридической. Он говорит, что «иногда в юридическую конституцию включаются такие конституционные принципы, как принцип большинства или представительства в наших демократиях, которые — даже не будучи включенными — были бы обязательны, благодаря согласию со стороны народа». Право на восстание против тирании является одним из этих принципов, которое независимо от того, включено ли оно или нет в юридическую конституцию, всегда сохраняет полную силу в демократическом обществе. Постановка этого вопроса перед судом — одна из самых интересных проблем государственного права. Дюгит в своем «Трактате о конституционном праве» пишет, что «если восстание терпит неудачу, то не найдется такого суда, который осмелился бы заявить, что это восстание не было заговором и покушением на безопасность государства, ибо правительство было тираническим, и попытка уничтожить его законна». Обратите хорошенько внимание на то, что он не говорит «суд не должен», а говорит, что не «найдется такого суда, который осмелился бы заявить»; другими словами, он ясно хочет

сказать, что не будет такого суда, который решится сказать подобное, что не найдется достаточно смелого суда, который заявит подобное в условиях тирании. Третьего пути не дано: если суд смелый и выполняет свой долг, он решится.

Только что закончилось шумное обсуждение вопроса о действительности конституции 1940 года. Суд конституционных и социальных гарантий вынес решение против нее, в пользу нового Статута. Однако, господа судьи, я считаю, что конституция 1940 года остается в силе. Мое утверждение может оказаться нелепым и несвоевременным. Но не удивляйтесь: вот я-то удивлен тем, что полномочный суд попытался подло отвергнуть законную конституцию республики. Так же как и до сих пор, я, опираясь только на факты, правду и свою правоту, докажу то, что только что заявил.

Суд конституционных и социальных гарантий был создан на основе статьи 172 конституции 1940 года, дополненной конституционным законом № 7 от 31 мая 1949 года. Эти законы, в силу которых создан этот суд, предоставили ему определенную и специфическую компетенцию: рассматривать апелляции о неконституционности законов, декретов, распоряжений или действий, которые отрицают, преуменьшают, нарушают и ущемляют конституционные права и гарантии либо препятствуют свободной деятельности органов государства. В статье 194 совершенно ясно говорилось: «Судьи и суды обязаны разрешать противоречия между действующими законами и конституцией, придерживаясь принципа, что конституция всегда пользуется приоритетом перед законами». Таким образом, в соответствии с законами, в силу которых он был создан, Суд конституционных и социальных гарантий должен был всегда решать все вопросы в пользу конституции. Если же этот суд поставил превыше конституции республики новый Статут, это означает, что он превысил свои полномочия и, по существу, с юридической точки зрения его решение не имеет силы. Кроме того, это решение само по себе является нелепостью, а нелепость не имеет силы ни фактической, ни юридической, она не существует даже метафизически. Каким бы достойным уважения ни был какой-либо суд, он не может утверждать, что круг имеет квадратную форму и что гротескное порождение 4 апреля может называться конституцией государства.

Мы понимаем под конституцией основной и высший закон нации, который определяет ее политическую структуру, регулирует деятельность всех органов государства и определяет сферы и рамки их действия. Она должна быть устойчивой, длительной и даже, пожалуй, жесткой. Статут же не отвечает ни одному из этих требований. Прежде всего он заключает в себе чудовищное, наглое и циничное противоречие в решении самого существенного вопроса — вопроса целостности республики и принципа суверенитета. В статье 1 говорится: «Куба является независимым и суверенным государством, организованным как демократическая

республика...» В статье 2 говорится: «Суверенитет пребывает в народе, и от народа исходят все власти». Но потом следует статья 118, где говорится: «Президент республики назначается советом министров». Теперь уже не народ, а совет министров. А кто избирает совет министров? Смотрим статью 120 пункт 13: «Президент имеет право назначать и сменять министров, когда он сочтет это необходимым». Кто же кого в конце концов избирает? Не похоже ли это на классическую проблему яйца и курицы, которую никто до сих пор так и не решил?

Однажды собрались восемнадцать авантюристов. Они решили ограбить республику, бюджет которой равнялся 350 миллионам. Под покровом ночи они с помощью предателей добились своей цели. «Что будем делать дальше?» Один из них сказал другим: «Вы назначите меня премьер-министром, а я вас генералами». Сказано — сделано. Затем он позвал двадцать своих телохранителей и сказал им: «Я вас назначаю министрами, а вы меня назначите президентом». Так они друг друга назначили генералами, министрами, президентом и прибрали к рукам казну и республику.

И речь шла не только об однократной узурпации суверенитета для того, чтобы назначить министров, генералов, президента; нет, один человек провозгласил себя в Статуте абсолютным хозяином уже не только суверенитета, но жизни и смерти каждого гражданина и самого существования нации. Поэтому я заявляю, что действия Суда конституционных и социальных гарантий не только являются предательскими, гнусными, трусливыми и отвратительными, но и нелепыми. В Статуте имеется статья, которая не привлекла особого внимания, но которая является ключевой в этой ситуации, и из нее мы сделали решающие выводы. Я имею в виду пункт об изменениях, содержащихся в статье 257, в котором говорится: «Этот конституционный закон может быть изменен советом министров большинством в две трети голосов». Здесь надругательство над правом достигает наивысшего предела. Они не только присвоили себе право навязывать народу новую конституцию, не считаясь с его мнением, присвоили право создать правительство, которое сосредоточивает в своих руках всю власть, но и на основании статьи 257 присваивают себе основной атрибут суверенности — право изменять высший и основной закон нации. Они это уже сделали неоднократно с 10 марта, хотя и с невиданным в мире цинизмом заявляют в статье 2, что народ суверенен и является источником всех властей. Если для изменения конституции достаточно кворума двух третей голосов совета министров, то тогда в руках одного человека сосредоточивается право создавать и уничтожать республику. Причем это право сосредоточивается в руках самого недостойного человека, который когда-либо рождался на этой земле. И это было одобрено Судом конституционных гарантий, и является действительным и законным все, что из этого вытекает? Нет, вы вслушайтесь внимательно:

«Этот конституционный закон может быть изменен советом министров большинством в две трети голосов». Эти полномочия не имеют предела, с их помощью может быть изменена любая статья, любой пункт конституции и даже вся конституция. В статье 1, например, которую я уже упоминал, говорится, что Куба является независимым и суверенным государством, организованным по принципу демократической республики, хотя сегодня она фактически является кровавой диктатурой. В статье 3 говорится, что «территорию республики образуют Остров Куба, остров Пинос и другие прилегающие острова и островки». И так далее. Батиста и его совет министров с помощью статьи 257 могут изменить все эти статьи и заявить, что Куба уже является не республикой, а наследной монархией, а Фульхенсио Батиста — помазанником божьим. Они могут расчленив национальную территорию и продать какую-нибудь провинцию иностранной державе, как это сделал Наполеон с Луизианой. Могут отменить на время право на жизнь и, как царь Ирод, приказать убивать только что родившихся младенцев. Все эти меры будут законными и вы будете обязаны бросить в тюрьму любого, кто выступит против, точно так, как вы хотите поступить со мной. Я привел крайние примеры, для того чтобы было понятнее, как печально и унижительно положение, в котором мы очутились. И эти всеобъемлющие права находятся в руках людей, которые действительно способны продать республику со всеми ее жителями!

Если суд конституционных гарантий одобрил подобное положение, почему он не снимет и не повесит на крючок свои мантии? Ведь элементарный принцип государственного права гласит, что не может быть конституционности там, где учредительная и законодательная власть объединены в одном лице. Если совет министров издает законы, декреты, регламенты и в то же время имеет полномочия изменять конституцию за десять минут — да зачем нам тогда нужен Суд конституционных гарантий! Вот почему его решение является бессмысленным, не укладывающимся в сознании, противоречащим логике и законам республики — законам, которые вы, господа судьи, поклялись защищать. То, что суд принял решение в пользу Статута, вовсе не означает, что наш высший закон потерял силу: тем самым Суд конституционных и социальных гарантий поставил себя вне конституции, отказался от своих полномочий, юридически покончил самоубийством. Мир праху его!

Право на сопротивление, которое провозглашает статья 40 конституции, остается полностью в силе. Разве эта статья была принята для того, чтобы она действовала в те дни, когда жизнь республики развивается нормально? Нет, потому что она была для конституции тем же, чем спасательная лодка для корабля в открытом море. Она спускается на воду только тогда, когда корабль торпедирован противником, перехватившим его на курсе. После того, как конституция республики предана, после того, как у народа

отобраны все его права, у него остается только это право, которое не может отнять никакая сила: право на сопротивление гнету и несправедливости. Если у кого есть какое-нибудь сомнение — вот статья из Кодекса социальной защиты, которую обязан помнить господин прокурор и в которой говорится дословно: «Представители власти, назначенные правительством или выбранные народом, которые не боролись всеми имеющимися в их распоряжении средствами против мятежа, подлежат лишению прав сроком от 6 до 10 лет». Сопротивляться предательскому перевороту 10 марта было обязанностью судебных властей республики. Хорошо понятно, что когда никто из них не выполнил закона, не выполнил своего долга, в тюрьму бросают тех, кто выполнил закон и свой долг.

Вы не сможете отрицать, что режим правления, который навязан нации, недостоин ее традиций и ее истории. В своей книге «О духе законов», послужившей основой для современного разделения властей, Монтескье различает по своему характеру три формы правления: «республиканское, которое заключается в том, что верховная власть находится в руках или всего народа, или части его; природа монархического в том, что этой властью обладает государь, управляющий не иначе как посредством установленных законов; природа деспотического образа правления в том, что всем управляет одно лицо по своей воле и произволу». Далее автор добавляет, что «человек, которому все его пять чувств все время нашептывают, что он — все, а остальные — ничто, не может не быть, естественно, невежественным, ленивым и развратным человеком». «Как для демократии нужна добродетель, а для монархии честь, так для деспотического правления нужен страх. В добродетели оно не нуждается, а честь была бы для него опасна».

Право на восстание против деспотизма, господа судьи, было признано приверженцами всех учений, всех идей и всех верований, начиная с глубокой древности и до настоящего времени.

В теократических монархиях, существовавших в древнейшие времена в Китае, практически существовал конституционный принцип, по которому, если монарх управлял плохо и деспотически, его отстраняли и на его место приходил добродетельный принц.

Мыслители древней Индии поддерживали идею активного сопротивления произволу властей. Они оправдывали революцию и во многих случаях претворяли свою теорию в жизнь. Один из духовных вождей писал, что «мнение, поддерживаемое многими, сильнее чем сам монарх. Веревка, свитая из многих нитей, достаточно крепка, чтобы связать льва».

Города государства Греции и Римской республики не только признавали, но и оправдывали насильственную смерть тиранов.

В средние века Джон Солсбери в своей «Книге о человеке

государства» заявлял, что, если князь управляет не в соответствии с правом и превращается в тирана, его смещение силой оправданно законно. Он рекомендует, чтобы против тирана использовался кинжал, но не яд.

Фома Аквинский в своей книге «Summa Theologica» отрицал право убивать тиранов, но поддерживал мысль о том, что тираны должны быть смещены народом.

Мартин Лютер провозгласил, что, когда правительство вырождается, порождая тирана, нарушающего законы, его подданные освобождаются от обязанности повиноваться. Его ученик Филипп Меланхтон поддерживает право на сопротивление, когда правительство превращается в тиранов. Кальвин, наиболее замечательный мыслитель Реформации с точки зрения его политических идей, учит, что народ имеет право взять в руки оружие, чтобы сопротивляться любому узурпатору.

Даже испанский иезуит эпохи Филиппа II Хуан Мариана в своей книге «De Rege et Regis Institutione» утверждает, что, когда правитель узурпирует власть или, будучи избранным, управляет общественной жизнью как тиран, в этом случае законно его убийство любым человеком открыто или с помощью обмана. При этом надо стремиться только не вызвать беспорядков.

Французский писатель Франциск Готман утверждал, что между правителями и подданными существует некий договор и народ может поднять восстание против тирании правительства, если оно нарушает это соглашение.

В те же времена была очень популярной книга, озаглавленная «Vindiciae Contra Tyrannos», подписанная псевдонимом Стефан Юний Брут. В этой книге открыто провозглашалось, что борьба против правительств, которые угнетают народ, законна и что возгласить эту борьбу — долг уважаемых судей. Шотландские реформаторы Джон Кнокс и Джон Пойнет придерживались той же точки зрения. И в самой важной книге сторонников этого течения, написанной Джорджем Бухананом, говорится, что, если правительство захватывает власть без согласия народа или вершит его судьбу несправедливо и применяя насилие, оно превращается в тирана и может быть смещено, а деспотов народ вправе в крайнем случае убить.

Иоганн Альтзуский, немецкий юрист начала XVII века, в своем труде «Политика...» пишет, что суверенитет, как высшая власть государства, происходит от добровольного согласия всех его членов; власть правительство получает от народа, и его несправедливые, незаконные и тиранические действия освобождают народ от обязанности повиноваться, оправдывают сопротивление и восстание.

До этого момента, господа судьи, я приводил вам примеры из древности, средневековья и начала новой истории, называя имена писателей всех течений и всех верований. Но, как вы увидите, это право существует и в самых глубинах нашей политиче-

ской жизни, благодаря ему вы можете носить сегодня эти мантии кубинских судей, которым остается пожелать, чтобы они служили правосудию.

Известно, что в Англии в XVII веке были свергнуты два короля за акты деспотизма Карл I и Яков II. Эти события совпали с возникновением либеральной политической философии — идеологической сути нового социального класса, который стремился разорвать цепи феодализма. Тираниям, основанным на божественном праве, эта философия противопоставила принцип общественного договора и согласия со стороны управляемых. Эта философия послужила основой для английской революции 1688 года, а также для американской и французской революций 1775 и 1789 годов. Эти великие революционные события дали толчок процессу освобождения испанских колоний в Америке, последним звеном в котором было освобождение Кубы. Эта философия вдохновила развитие наших политических и конституционных идей, начиная с первой конституции Гуаймаро и кончая конституцией 1940 года. Последняя создавалась уже под влиянием социалистических течений современного мира, которые осветили в ней принцип общественных функций собственности и неотъемлемое право человека на достойное существование, полному претворению которых в жизнь помешали возникшие общественные интересы.

Право на восстание против тирании получило тогда свое окончательное освящение и превратилось в существенную предпосылку политической свободы.

Уже в 1649 году Джон Мильтон писал, что источником политической власти является народ, который может назначать и смещать королей и обязан устранять тиранов.

Джон Локк в «Двух трактатах о государственном правлении» отмечает, что, когда нарушаются естественные права человека, народ имеет право и даже обязан сбросить или сменить правительство. «Единственное средство против силы, не пользующейся поддержкой народа, — противопоставлять ей силу».

Жан Жак Руссо с большим красноречием пишет в своем труде «Общественный договор»: «Пока народ, принужденный повиноваться, повинуется — он поступает хорошо; но как только, имея возможность сбросить с себя ярмо, народ сбрасывает его, он поступает еще лучше, так как народ, возвращая себе свою свободу по тому же праву, по какому она была отнята, был вправе вернуть себе ее». «Сильнейший никогда не бывает достаточно силен, чтобы быть постоянно господином, если только он не превращает свою силу в право, а повиновение в долг... Сила есть мощь физическая, и я не вижу, какую мораль можно вывести из ее применения. Уступать силе является актом необходимости, но не воли; самое большее такую уступку можно счесть актом благоумия. В каком же смысле может уступка силе быть долгом?» «Отказаться от своей свободы — это значит отказаться

от своего человеческого достоинства, от прав человека, даже от его обязанностей. Нет такого вознаграждения, которое могло бы возместить отказ от всего. Такой отказ несовместим с человеческой природой; отнять всякую свободу у своей воли равносильно отнять всякие нравственные мотивы у своих поступков. Наконец, соглашение, в котором, с одной стороны, выговорена абсолютная власть, а с другой,— безграничное повиновение, есть пустое и противоречивое соглашение».

Томас Пэн заявил, что «честный человек более достоин уважения чем коронованный клоун».

Только реакционные писатели выступили против этого права народов как, например, священник из Виргинии, Джонатан Бушер, который заявил, что «право на революцию — это достойная осуждения доктрина, исходящая от Люцифера, отца всех мятежей».

Декларация независимости, принятая конгрессом в Филадельфии 4 июля 1776 года, узаконила это право в великолепном абзаце, где говорится: «Мы считаем очевидными следующие истины: все люди сотворены равными и все они одарены своим создателем некоторыми неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат: жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав учреждены среди людей правительства, заимствующие свою справедливую власть из согласия управляемых. Если же данная форма правительства становится губительной для этой цели, то народ имеет право изменить или уничтожить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и с такой организацией власти, какие, по мнению этого народа, всего более могут способствовать его безопасности и счастью».

Знаменитая французская Декларация прав человека оставила грядущим поколениям следующий принцип: «Когда правительство нарушает права народа, восстание является для народа самым священным его правом и самой важной его обязанностью». «Если один человек захватит власть, он должен быть приговорен к смерти свободными людьми».

Думаю, что я в достаточной мере доказал свою точку зрения: я привел больше аргументов, чем господин прокурор, требующий осудить меня на 26 лет тюрьмы. Все они на стороне тех, кто борется за свободу и счастье народа, — их нет ни у одного из тех, кто его угнетает, унижает и безжалостно грабит. Поэтому мне пришлось привести много аргументов, прокурор не смог привести ни одного. Как оправдать пребывание Батисты у власти, которую он захватил силой вопреки воле народа, нарушив и предав законы республики? Как можно назвать революционным правительство, в котором сочетаются самые реакционные люди, идеи и методы общественной жизни? Как можно считать юридически действительной государственную измену суда, чья задача состояла в том, чтобы защищать нашу конституцию? На основании какого права можно послать в тюрьму граждан, которые

отдавали свою кровь и жизнь за честь родины? В глазах нации и с точки зрения принципов подлинного правосудия это чудовишно!

Но есть самое сильное соображение в нашу пользу. Мы — кубинцы, а быть кубинцем — это значит иметь обязанности, не выполнять которые — преступление и предательство. Мы гордимся историей нашей родины. Мы изучили ее еще в школе и росли, внимая словам о свободе, справедливости и правах. Нас научили с ранних лет благоговеть перед славными примерами наших героев и наших мучеников. Сеспедес, Аграмонте, Масео, Гомес и Марти — вот первые имена, которые запечатлелись в нашем сознании. Нас воспитали на словах, которые произнес Титан: свободу не выпрашивают как милостыню, а завоевывают лезвием мачете. Нас воспитали на высказываниях Апостола, который писал для воспитания граждан свободной родины в своей книге «Золотой возраст»: «Человек, который соглашается повиноваться несправедливым законам и позволяет, чтобы по земле, на которой он родился, ходили люди, оскорбляющие ее — это нечестный человек... В мире должно существовать некоторое количество достоинств, также как и некоторое количество света. Если есть много людей без достоинства, всегда найдутся другие, с достоинством многих людей. И они бесстрашно поднимаются против тех, кто отнимает у народов свободу, а значит и достоинство. В этих людях воплощаются тысячи, весь народ, само человеческое достоинство...» Нас учили, что дни 10 октября и 24 февраля — это славные праздники, праздники национальной гордости, ибо они означают дни, когда кубинцы восстали против гнета позорной тирании. Нас научили любить и защищать прекрасное знамя с одинокой звездой и каждый вечер петь гимн, в котором говорится, что жить в цепях — значит жить в позоре и бесчестии и что умереть за родину — значит продолжать жить. Все это мы усвоили и никогда не забудем, хотя сегодня на нашей родине убивают и бросают в тюрьмы людей, которые осуществляют идеи, впитанные ими с колыбели. Мы родились в свободной стране, которую нам завещали наши отцы и скорее наш остров опустится в море, чем мы согласимся быть чьими-то рабами.

Казалось, что дух Апостола умрет в год столетия со дня его рождения, что память о нем исчезнет навсегда. Таково было оскорбление, нанесенное его памяти! Но его дух жив, он не умер, народ его мятежен, народ его преисполнен достоинства, народ верен его памяти. Есть кубинцы, которые погибли, защищая его учение, есть юноши, которые в замечательном порыве решили умереть рядом с его могилой, отдать ему свою кровь и свою жизнь, чтобы Апостол продолжал жить в душе родины. Куба, что было бы с тобой, если бы ты позволила умереть твоему Апостолу!

Я заканчиваю речь в свою защиту. Но я не поступлю так, как поступают все адвокаты, которые просят свободы для защитного. Я не могу просить ее, когда мои товарищи уже стра-

дают на острове Пинос в позорном заточении. Пошлите меня к ним разделить их судьбу. Ведь понятно, что честные люди должны либо погибать, либо сидеть в тюрьме в такой республике, где президентом является преступник и вор.

Господа судьи, приношу вам свою искреннюю благодарность за то, что позволили мне свободно высказаться без мелочных помех. Я не питаю к вам зла, признаю, что в некотором отношении вы были человечными; я знаю, что председатель суда — честный человек, который не может скрыть своего отвращения к такому положению вещей, при котором его заставляют вынести несправедливый приговор. Но перед судом остается еще более важный вопрос — дела семидесяти убитых, самое жестокое массовое убийство, которое мы когда-либо знали. Виновные еще ходят на свободе с оружием в руках, а это постоянная угроза для жизни граждан. Если на них не падет вся тяжесть закона, будь то по трусости или потому, что этому воспрепятствуют, и все судьи не пойдут в отставку, мне остается только пожалеть о вашей чести, о том, что такое беспрецедентное пятно ляжет на судебную власть.

Что касается меня, я знаю, что тюрьма будет для меня тяжелым испытанием, каким не была никогда ни для кого другого. Она полна для меня угроз, низкой и трусливой жестокости. Но я не боюсь тюрьмы, так же как не боюсь ярости презренного тирана, который отнял жизнь моих семидесяти братьев!

Приговорите меня! Это не имеет значения! История меня оправдает!

Цена ..... руб. 0 35

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Leimart